

Рэймонд
Чандлер

ДОЛГОЕ
ПРОЩАНИЕ

Филип Марлоу

Рэймонд Чандлер
Долгое прощание

«Азбука-Аттикус»

1953

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44

Чандлер Р.

Долгое прощание / Р. Чандлер — «Азбука-Аттикус»,
1953 — (Филип Марлоу)

ISBN 978-5-389-16944-9

Книги Рэймонда Чандлера о Филипе Марлоу не только заложили основы жанра «крутого» детектива, но и стали современной классикой в самом широком смысле. «Рэймонд Чандлер — оригинальнейший стилист, а его герой Филип Марлоу бессмертен, как Шерлок Холмс», — писал маститый Энтони Бёрджесс. Марлоу представляет собой новый тип детективного героя: он романтик, сентиментальный рыцарь, всегда сохраняющий свою индивидуальность и соблюдающий кодекс чести. Он не ищет приключений — они сами его находят, причем сюжет, изобилующий фирменными головокружительными хитросплетениями, начинается, как правило, довольно невинно. Так в «Долгом прощании» Марлоу попадает под полицейский прессинг после того, как не отказывает в помощи отчаянно нуждающемуся в ней другу. На сюжеты Чандлера поставлены несколько эталонных фильмов-нуар, и для многих образ Марлоу прочно ассоциируется с личностью Хамфри Богарта. «Блондинку в озере» экранизировал в 1946 г. Роберт Монтгомери, сам же исполнивший главную роль, и это был один из первых фильмов в мировом кинематографе, от начала до конца снятый субъективной камерой. Экранизация «Сестрички» с Джеймсом Гарнером в главной роли вышла в 1969 г. под названием «Марлоу»; именно эта картина Пола Богарта впервые познакомила американских зрителей с Брюсом Ли. «Долгое прощание» перенес на экран в 1973 г. Роберт Олтмен; главную роль исполнил Эллиот Гулд, а сценарий написала Ли Брэкетт, совместно с Уильямом Фолкнером работавшая над сценарием «Вечного сна» — классической экранизации первого романа о Марлоу, снятой Говардом Хоуксом в 1946 г.

УДК 821.111(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-389-16944-9

© Чандлер Р., 1953

© Азбука-Аттикус, 1953

Содержание

1	7
2	10
3	14
4	18
5	20
6	26
7	30
8	34
9	38
10	43
11	46
12	52
13	54
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Рэймонд Чандлер

Долгое прощание

Raymond Chandler
The Long Goodbye

Copyright © 1953 by Raymond Chandler

Copyright renewed 1981 by Mrs Helga Greene

© М. В. Клеветенко, перевод, 2019

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2019

Издательство Иностранка®

1

Впервые я увидел Терри Леннокса в «роллс-ройсе» модели «серебряный призрак»¹ у веранды клуба «Дансерс». Служитель стоянки подогнал машину и теперь маялся, придерживая дверцу, – захлопнуть ее мешала торчавшая снаружи нога Терри. Тот, казалось, напрочь о ней забыл. Седой как лунь, а лицо юное. Судя по глазам, нагрузился он вусмерть, а в остальном – расхожий тип молодого кутилы в смокинге, карманы которого только что изрядно опустошили в заведении, где ничем иным и не промышляют.

Рядом отстраненно улыбалась огненно-рыжая красотка. Но даже голубой норке у нее на плечах было не под силу сделать из «призрака» обычный автомобиль. С «роллсом» такое не проходит.

Служитель в белой форменной куртке с красным названием клуба на груди начал терять терпение.

– Эй, мистер, вы уж решайтесь, – раздраженно буркнул он. – Либо суйте ногу внутрь – и я захлопну дверцу, либо я распахну ее – и вы приземлитесь на асфальт.

Дамочка бросила на служителя взгляд, способный пронзить до печенки. Тот и бровью не повел. Завсегдатаи «Дансерс» легко развеют все ваши иллюзии насчет того, во что превращают людей шальные деньги.

На стоянку медленно вполз заграничный спортивный автомобиль с открытым верхом. Водитель в ковбойской рубашке, желтых брюках и сапогах для верховой езды выбрался из машины, прикурил длинную сигарету и, окутанный клубами дыма, направился к веранде, не удостоив взглядом «роллс-ройс», – очевидно, счел его вульгарным. У подножия лестницы он помедлил, вставляя в глаз монокль.

– А я кое-что придумала, милый! – воскликнула дамочка. – Давай возьмем такси, заскочим к тебе за кабриолетом и прокатимся вдоль побережья до Монтесито. Мои приятели устраивают вечеринку у бассейна!

– Мне чертовски жаль, – вежливо ответил ее седой спутник, – но кабриолета больше нет. Пришлось продать.

По голосу и интонации Терри никто не заподозрил бы, что он пил что-нибудь крепче апельсинового сока.

– Продать? – удивилась красотка, слегка отодвинувшись от своего спутника, но оживления в ее голосе поубавилось заметно.

– Деньги были нужны, – пожал плечами тот.

– Понятно.

Теперь от дамочки веяло ледяным холодом.

Удостоверившись, что не ошибся, поместив клиента в самый низ общественной лестницы, служитель вмешался:

– Ладно, приятель, нечего тут рассиживаться. Счастливо оставаться. – И он рывком распахнул дверцу.

Терри соскользнул с сиденья и вывалился из автомобиля.

Черт меня дернул вмешаться. С пьяного что за спрос – заедет кулаком в челюсть, не разбирая, друг ты ему или враг.

Я помог Терри подняться.

– Премного обязан, – пробормотал он вежливо.

Дамочка скользнула на водительское место.

¹ *Silver Wraith* – первая послевоенная модель «роллс-ройса», выпускалась в 1946–1958 гг.

– Это он умеет. Как наберется, корчит из себя английского джентльмена, – ледяным тоном обронила она. – Спасибо за помощь.

– Давайте закину его на сиденье, – предложил я.

– Мне очень жаль, но я опаздываю на важную встречу. – Дамочка выжала сцепление, и «роллс-ройс» медленно двинулся с места. – Надеюсь, вам удастся пристроить этого бездомного пса. Он умеет себя вести. Ну, более или менее.

«Роллс-ройс» выкатил на бульвар Сансет, свернул направо и исчез из виду. Я все еще смотрел ему вслед, когда подошел служитель. Пьяный засопел у меня на руках.

– Вот так всегда, – заметил я служителю.

– А чего вы хотели? Кому нужен пропойца? – цинично заметил тот. – С такими формами она подцепит любого.

– Ты его знаешь?

– Она называла его Терри, а я не обязан запоминать всякое пугало. Я сам тут всего пару недель.

– Подгони машину. – Я протянул служителю квитанцию.

Терри обмяк и отяжелел, словно свинцом налился. Служитель вернулся и помог мне втащить его на переднее сиденье «олдсмобилia». Пьяный открыл глаза, вежливо поблагодарил нас и снова провалился в сон.

– Какой учтивый пьяница! – усмехнулся я.

– По мне, все они засранцы. А над этим еще и пластический хирург поработал.

– Верно, – согласился я и протянул служителю доллар; он поблагодарил.

Правую, неподвижную, сторону лица моего нового приятеля покрывали тонкие белесые шрамы. Кожа под ними блестела. Видно было, задачка пластическому хирургу досталась не из легких.

– И куда вы его?

– Отвезу домой, дождусь, пока протрезвеет и вспомнит свой адрес.

Служитель ухмыльнулся:

– На вашем месте я сбросил бы его в первую канаву. От пьянчуг одни неприятности. У меня на этот счет своя философия – в наши времена конкуренции неразумно тратить на таких силы.

– Не больно ты преуспел со своей философией, – хмыкнул я.

Служитель бросил на меня недоуменный взгляд, но я не стал дожидаться, пока он вскипит, и нажал на газ.

Не так уж он и ошибся. Уж чего-чего, а неприятностей с Терри Ленноксом я нажил хоть отбавляй. Впрочем, на неприятности мне везет. Такая работа.

В тот год я жил на Юкка-авеню в районе Лорел-кэньон. К дому на склоне холма поднималась длинная лестница, вдоль дороги росли эвкалипты. Дом был полностью меблирован. Хозяйка уехала к недавно овдовевшей дочери в Айдахо и цену запросила невысокую – отчасти из-за того, что в любую минуту могла вернуться и жильцу пришлось бы убираться восвояси, отчасти из-за количества ступенек. Старой даме до смерти надоело всякий раз, возвращаясь домой, штурмовать крутую лестницу.

Вот по этой-то лестнице я и повел пьяного наверх. Он изо всех сил пытался помочь, но непослушные ноги заплетались и Терри засыпал у меня на руках, бормоча слова благодарности. Я отпер дверь, втащил его внутрь, пристроил на диван и укрыл пледом. Пьяный тут же захрапел и целый час издавал звуки, способные посрамить медведя в берлоге. Неожиданно проснувшись, он поплелся в уборную, а выйдя оттуда, недоуменно уставился на меня и пожелал узнать, где, черт подери, он находится. Пришлось объяснить. Звали его Терри Ленноксом.

Терри жил в Вествуде, и о его отсутствии было решительно некому беспокоиться. Все это Терри изложил твердым голосом и без запинки, добавив, что не отказался бы от кофе.

Пил он мелкими аккуратными глотками, осторожно удерживая чашку над блюдцем.

– Как я здесь оказался? – оглядевшись, спросил Терри.

– Отключились прямо в «роллс-ройсе» рядом с клубом, а ваша подружка не стала дожидаться, пока вы продерете глаза, и укатила.

– Ее можно понять.

– Вы англичанин?

– Жил в Англии, но родился здесь. Мне бы вызвать такси, и я уберусь восвояси...

– Такси нам ни к чему.

Терри сам спустился по лестнице. Молчал он почти до самого Вествуда, разве что снова механически поблагодарил за участие и выразил сожаление, что стал обузой. Было видно, что ему не впервой оправдываться.

Душная квартирка Терри походила на гостиничный номер, в который он въехал накануне. На столике напротив громоздкого зеленого дивана стояли: початая бутылка скотча, миска с растаявшим льдом, три пустые бутылки из-под газировки, два стакана и стеклянная пепельница с окурками – в помаде и без. Ни фотографий, ни личных вещей. В гостиницах такие номера сдают на час: для встречи или прощания, важного разговора или легкого перепиха. Невозможно было поверить, что здесь обитает живой человек.

Терри предложил выпить. Я отказался, задерживаться я не собирался. Он снова поблагодарил – спокойно, без навязчивости. Терри был смущен и по-прежнему чертовски вежлив. Он стоял в дверном проеме, пока за мной не закрылись двери лифта. Да уж, по части манер у него было чему поучиться.

О девушке он не упомянул. И ни словом не обмолвился ни о собственном безрадостном будущем, ни о предпоследнем долларе, потраченном на красотку, которая не потрудилась узнать, не загремел ли он по милости нахального служителя стоянки в участок или, того хуже, в канаву, куда его вышвырнул бы, отметелив, не слишком мягкосердечный таксист.

В лифте мне пришло в голову, что неплохо было бы забрать у Терри бутылку, но я рассудил, что лезу не в свое дело; вдобавок он легко раздобудет новую.

По пути домой я размышлял. Не подумайте, мне не свойственно бросаться на помощь первому встречному, однако что-то в этом парне меня тронуло. Хотя, кроме седых волос, шрамов, ясной речи и манер, я ровным счетом ничего не знал о Терри Ленноксе. Тогда я и помыслить не мог, что мы свидимся вновь. Как сказала та рыжая дамочка, он был пропащая душа. Бездомный пес.

2

Через неделю после Дня благодарения я столкнулся с ним снова. Магазины вдоль Голливудского бульвара уже предлагали втридорога обычный рождественский хлам, а газеты наполнились истерическими воплями, уговаривая простаков загодя покупать рождественские подарки. Можно подумать, от этого что-то в их жизни изменится к лучшему.

В трех кварталах от моей конторы полицейские в припаркованном авто разглядывали нечто прислоненное к магазинной витрине: Терри Леннокса – или то, что от него осталось. Зрелище было печальное.

Ноги не держали Терри. Из-под пиджака выбивалась расстегнутая рубашка с грязным воротом. Небритый, с заострившимся профилем, он был так бледен, что длинные тонкие шрамы на лице словно выцвели, а глаза ввалились и напоминали дыры в сугробе. Легавые явно присматривались к добыче. Пришлось ускорить шаг.

– Вставайте и ступайте за мной, – сказал я, сжав руку Терри и незаметно подмигнув ему. – Идти-то сможете? Снова надрались?

Терри вспомнил меня не сразу, а узнав, улыбнулся одной стороной рта.

– Надрался, но вчера, – выдохнул он. – А сегодня мне что-то... нехорошо.

– Вы, главное, шевелитесь, не то угодите в «обезьянник».

Терри послушался. Дотащив его до такси у обочины, я распахнул дверцу.

– Его очередь. – Большим пальцем таксист показал на машину впереди, а посмотрев на Терри, замотал головой. – Только этого мне не хватало!

– Мой друг болен, его тошнит.

– Тем более. Пусть его тошнит подальше от моей машины.

– Плачу пять баксов, и хватит препираться.

– Идет, – согласился таксист и сунул за зеркало журнал с марсианином на обложке.

Я едва успел впихнуть Терри на заднее сиденье, как сбоку припарковалась полицейская машина. К нам направлялся седовласый коп. Я вылез из машины и обернулся к нему.

– Не спеши, малый. Так, что у нас тут? Этот джентльмен в грязных обносах – ваш близкий друг?

– Достаточно близкий. И он трезв как стеклышко.

– Никак деньги кончились, а бесплатно не наливают, – предположил коп, протягивая руку за документами. Изучив мою лицензию, он буркнул: – Вот оно что – частный сыщик пасет клиента. – Голос копа стал тверже. – С вами ясно, мистер Марлоу. А это что за птица?

– Его зовут Терри Леннокс. Работает в кинобизнесе.

– Значит, в кинобизнесе... – с сарказмом протянул коп и склонился над Терри, который забился в угол сиденья. – А по-моему, нигде он не работает, да и под крышей не ночевал несколько суток кряду. На вид заурядный бродяга, по которому плачет участок.

– Что, так снизился процент задержаний? И это в Голливуде?

Полицейский по-прежнему не сводил глаз с Терри.

– Как зовут твоего приятеля, красавец?

– Филип Марлоу, – медленно произнес Терри. – Живет на Юкка-авеню в Лорел-кэньон.

Полицейский высунул голову из машины:

– Вы ему только что сказали.

– Мог бы, но не говорил.

Пару секунд коп сверлил меня глазами.

– Ладно, на первый раз поверю, только чтобы духу его не было на моей улице.

Таксист довез нас до стоянки, и Терри перебрался в мой «олдсмобиль». Я протянул водителю обещанные пять баксов. Он нахмурился и покачал головой:

– По счетчику, шеф, ну или доллар для ровного счета. Мне самому случалось попадать в переплет. Правда, дело было во Фриско. Только никто тогда не ловил мне такси. У этого города каменное сердце, шеф. Я про Фриско.

– Сан-Франциско, – поправил я машинально.

– Я говорю Фриско. А нацменьшинства могут умыться. Спасибо.

Таксист забрал свой доллар и укатил.

Мы заехали в закусную драйв-ин, где подавали гамбургеры, способные прельстить не только бездомных дворняг. Под пиво я скормил Терри парочку, и мы двинулись ко мне. Обливаясь потом, он с трудом вскарабкался по ступеням. Через час, после душа и бритья, Терри снова стал похож на человека. Мы сидели в гостиной с почти безалкогольными коктейлями.

– Нам повезло, что вы запомнили мое имя, – заметил я.

– Разумеется. Я даже справки о вас навел, – пожал плечами Терри.

– Отчего ж не позвонили? Я всегда здесь или в конторе.

– Не хотел беспокоить.

– А зря. Похоже, друзей у вас немного.

– Да нет, друзья у меня есть, пусть и своеобразные. – Терри поставил стакан на стол. – Нелегко просить о помощи, особенно если влип по собственной вине. – Его губы тронула усталая усмешка. – Что скажете, если я завяжу с выпивкой? Что все так говорят?

– На это уйдет года три.

– Три? – Терри был потрясен.

– Обычно не меньше трех, да и то не без срывов. Так что легкой жизни не ждите. Придется смириться с тем, что краски станут бледнее, звуки – тише, а все, кого вы знали, покажутся вам чужаками. А некоторые и вовсе разонравятся, впрочем, как и вы им.

– К такому мне не привыкать. – Терри обернулся и посмотрел на часы. – Я оставил чемодан на автобусной станции. Стоит он долларов двести. Продам его, куплю взамен подешевле, а оставшихся денег хватит на дорогу до Лас-Вегаса. Там я найду работу.

Я ничего не сказал, просто кивнул.

– Думаете, поздновато я спохватился?

– Не важно, что я думаю... Уверены, что найдете работу?

– Уверен. Старый армейский приятель держит там клуб «Террапин». Его бизнес не назовешь чистым, но он отличный малый.

– Я могу дать денег на автобус до Вегаса и даже сверху накину, но прежде хорошенько подумайте. Хотя бы позвоните ему.

– Спасибо, но это лишнее. Рэнди Старр не подведет, никогда не подводил. А за чемодан можете выручить в ломбарде полсотни – точно знаю, бывало дело.

– Да ладно, ссужу я вам сколько нужно. Не подумайте, что в моих привычках кидаться на помощь первому встречному, я просто хочу от вас избавиться. Есть у меня предчувствие на ваш счет.

– Вот как? – Терри не поднимал глаз от стакана, к которому едва притронулся. – Мы видимся второй раз в жизни, и оба раза вы на удивление добры ко мне. Так что за предчувствие?

– Боюсь, в следующий раз вы попадете в такую серьезную передрагу, что вытащить вас я уже не сумею. Сам не знаю, откуда взялись эти мысли.

Терри дотронулся подушечками пальцев до шрамов на правой щеке:

– Вас смущают мои шрамы? С ними я выгляжу несколько зловеще. Поверьте, шрамы получены в честном бою.

– Что мне до ваших шрамов? Я – частный детектив, вы – проблема, по счастью, не моя. Назовите это нюхом. Или, если выразиться поизящнее, чутьем. Может быть, та девица у клуба тоже это почувствовала и бросила вас поэтому, а вовсе не потому, что вы напились?

Терри улыбнулся:

– Это моя бывшая жена, Сильвия Леннокс. Брак по расчету. Я женился на деньгах.

Я скривился и встал:

– Ладно, пожарю яичницу. Вам нужно поесть.

– Пойдите, Марлоу, вас удивляет, почему я сижу на мели, но не хочу просить Сильвию одолжить мне пару баксов? Вы когда-нибудь слышали о гордости?

– Только не начинайте, Леннокс.

– Отчего же. Моя гордость особенная – гордость человека, которому нечего терять. Простите, если я вас раздражаю.

На кухне я приготовил яичницу-болтунью с беконом, поджарил хлеб и сварил кофе. Мы у ourselves за старомодный кухонный уголок.

Я сказал Терри, что заскочу в контору, а на обратном пути заберу чемодан. Он дал мне квитанцию. На лице его начали проступать краски, а глаза уже не казались такими запавшими.

Перед уходом я поставил на столик перед диваном бутылку виски.

– Вот, тренировка для гордости, – подначил я Терри. – И сделайте одолжение – позвоните в Вегас.

Он улыбнулся и пожал плечами. Когда я спускался по лестнице, меня душило раздражение. Чем болтаться голодным по улицам, лучше бы продал шмотки. Но что бы я ни думал о его жизненных правилах, отступать от них Терри не собирался.

Дьявольски элегантный чемодан Терри знал лучшие времена. Отбеленная свиная кожа некогда светло-желтого цвета, золотые замки, английская работа – такой стоил не двести, а все восемьсот, если его тут вообще найдешь.

Я опустил чемодан на пол у его ног. К бутылке на столике он не притронулся. Терри был не пьянее меня. Курил сигарету, но явно без удовольствия.

– Я связался с Рэнди, – сказал он. – Злитесь, что я не позвонил раньше.

– Все вам нужно подсказывать. Подарок Сильвии? – Я показал на чемодан.

Терри рассеянно смотрел в окно.

– Нет, мне подарили его в Англии, задолго до Сильвии. Если у вас найдется старый, я бы оставил этот взамен.

Я вынул из бумажника пять двадцаток и бросил на стол перед ним.

– Мне не нужны гарантии.

– Не хотел вас обидеть, вы же не ростовщик. Просто тащить его в Вегас... И потом, я готов обойтись меньшей суммой.

– Ладно, берите деньги, а я оставлю чемодан. Правда, сохранность не гарантирую – обнести этот домишко легче легкого.

– Мне все равно, – равнодушно покачал головой Терри, – пусть себе крадут.

Он переоделся, и около половины шестого мы пообедали у Муссо. Никакой выпивки. Терри сел в автобус на бульваре Кауэнга, а я медленно поехал домой. Пустой чемодан стоял там же – на кровати, где Терри перекладывал вещи. В одном из замков торчал золотой ключ. Я забросил чемодан на верхнюю полку платяного шкафа. Мне показалось, что внутри что-то есть, однако проверять я не стал.

Вечер выдался тихим, и дом казался молчаливее, чем обычно. Я вытащил доску и разыграл французскую защиту против Стейница. Ему удалось одолеть меня на сорок четвертом ходу, но пару раз я заставил знаменитого гроссмейстера попотеть.

В половине десятого зазвонил телефон. В трубке раздался знакомый голос:

– Мистер Филип Марлоу?

– Слушаю.

– Это Сильвия Леннокс, мистер Марлоу. Помните меня? Мы виделись у клуба «Дансерс» с месяц назад. Я слышала, в тот вечер вы довезли Терри до дома.

– Довез.

– Видите ли, хотя мы и в разводе, Терри мне не чужой, и меня волнует его судьба. Он съехал с квартиры в Вествуде, и никто не знает куда.

– Я заметил, как вас волнует его судьба.

– Знаете что, мистер Марлоу, мы в разводе, и вообще я не в восторге от пьянчуг. Возможно, в тот вечер я не проявила должной заботы о Терри, но я спешила. Говорят, вы занимаетесь частным сыском, так что мы могли бы обсудить этот вопрос по-деловому.

– Зря стараетесь, миссис Леннокс. Сейчас он на пути в Лас-Вегас. Там у него приятель, который обещал ему работу.

– В Вегас? – внезапно оживилась она. – Как трогательно! Мы там поженились.

– Наверняка он забыл, иначе держался бы оттуда подальше.

Вместо того чтобы бросить трубку, она хихикнула:

– Вы всегда так грубы с клиентами?

– Вы не клиент, миссис Леннокс.

– Не зарекайтесь. И давайте поговорим как приятели.

– Не получится. Если бы вы захотели, то не позволили бы Терри подышать на улице без гроша. Он и раньше не просил вашей помощи, не станет и теперь.

– А это не вам решать. Что вы вообще про нас знаете? – В голосе Сильвии появились металлические нотки. – Спокойной ночи.

Сильвия повесила трубку.

Она была совершенно права, а я вел себя как последний болван. Но я не чувствовал вины, только сильное раздражение. Если бы Сильвия Леннокс позвонила на полчаса раньше, я не оставил бы от Стейница камня на камне. И не важно, что он был мертв добрых полвека, а партию я взял из задачника.

3

За три дня до Рождества я получил из банка в Лас-Вегасе чек на сто долларов. К чеку прилагалось письмо на гостиничном бланке. Терри благодарил, желал счастливого Рождества, надеялся снова увидеться. Постскрипtum сбивал с ног: «Кажется, у нас с Сильвией второй медовый месяц. Просит, чтобы вы не осуждали ее за то, что решила попробовать еще раз».

Подробности я прочел в колонке светской хроники, хотя обычно заглядываю туда редко – только когда ищу, на чем сорваться.

Друзья мои, ваш репортер ошарашен. Терри и Сильвия Леннокс снова решили соединить свои судьбы в Лас-Вегасе! (Как всем известно, Сильвия – младшая дочь мультимиллионера Харлана Поттера из Сан-Франциско и Пebbл-Бич.) Сильвия наняла Марселя и Жанну Дюо, чтобы отремонтировать особняк в Энсино по последнему писку моды. Если помните, ее бывший, Курт Уэстерхейм, преподнес Сильвии на свадьбу домишко в восемнадцать комнат. Что же случилось с бедным Куртом? Вам действительно интересно? Сен-Тропе, дорогие мои, вот куда он направился, и, насколько мне удалось разузнать, надолго. С ним путешествует одна *чрезвычайно* знатная французская графиня с двумя прелестными малышами. Должно быть, вы задаете себе вопрос: как отнесся к повторному замужеству дочери Харлан Поттер? Увы, сие есть тайна, покрытая мраком. Мистер Поттер *никогда* не дает интервью. Ну и как вам новость? Просто сногшибательная, верно?

Я швырнул газету в угол и включил телевизор. После этой светской блевотины даже бокс покажется изысканным зрелищем. Впрочем, в том, что касается фактов, колонкам светской хроники вполне можно доверять. Когда пишешь о шишках вроде Харлана Поттера, лучше все перепроверить.

Я без труда представил себе домишко в восемнадцать комнат, вполне гармонирующий с поттеровскими миллионами, не говоря о новой отделке в субфаллическом стиле. Вот только в эту картину никак не вписывался Терри Леннокс – в шортах, у бассейна, по радиотелефону велящий дворецкому заморозить шампанское и зажарить куропатку. Впрочем, почему нет? Нравится изображать при Сильвии ручную болонку – его дело. Я не собирался водить с ним дружбу, хотя свидеться явно еще придется: у меня так и лежал его фиговяцкий чемодан с золотыми замками.

Дождливым мартовским вечером Терри заглянул в мою обшарпанную контору. Он изменился: выглядел старше, абсолютно трезвым и поразительно спокойным, как человек, который научился держать удар. На нем был бледно-серый плащ и перчатки. Шляпы Терри не носил, и седые волосы намокли, словно птичьи перья.

– Давайте посидим где-нибудь в тихом баре, – предложил он, словно мы расстались десять минут назад. – Конечно, если вы свободны.

Как всегда, мы не подали друг другу руки. У англичан этот обычай не в чести, а Терри, хоть и не был англичанином, любил блеснуть заграничными манерами.

– Сперва заедем ко мне и заберем ваш модный чемодан. Он действует мне на нервы.

Терри покачал головой:

– Если нетрудно, оставьте его у себя.

– С какой стати?

– Чемодан будет напоминать мне, что я не всегда вел жизнь никчемного бездельника.

– Да идите вы... Впрочем, дело ваше.

– Если боитесь, что его украдут...

– И это меня не касается. Так мы идем или нет?

Терри повез меня к «Виктору» в своем новом двухместном «джоветт-юпитере» цвета ржавчины с тонким парусиновым верхом. Кожаная обивка, серебряные ручки. Я не большой поклонник шикарных марок, но при виде автомобиля Терри даже у меня потекли слюнки. Он уверял, что машина в секунду разгоняется до шестидесяти пяти. Короткий и толстый рычаг переключения скоростей едва доходил ему до колена.

– Четыре скорости, – объяснил Терри. – Для этой модели автоматическую коробку передач пока не изобрели, да она и не нужна. Можно стартовать сразу на третьей даже в гору, а в городе больше и не нужно.

– Свадебный подарок?

– Скорее из серии «проезжала мимо, увидела в витрине». Я – мальчик избалованный.

– Мило, только смотрите, чтобы подарочек не оказался с ценником.

Терри покосился на меня, перевел глаза на мокрый тротуар. Дворники мягко шуршали по ветровому стеклу.

– С ценником? Все имеет свою цену, дружище. Разве я не выгляжу везунчиком?

– Простите, не хотел вас обидеть...

– Я богат. На кой черт богатому счастье? – В голосе Терри послышалась неожиданная горечь.

– А как с выпивкой?

– Держусь в рамках. Как ни странно, похоже, я завязал. Хотя, сами знаете, в этом деле никогда нельзя быть уверенным.

– Может, вы толком пить не начинали?

Мы уселись в углу бара и заказали «Гимлет».

– Здесь не умеют его смешивать, – посетовал Терри. – Разбавляют джин обычным лаймовым или лимонным соком, добавляют сахару и горькой настойки, а настоящий «Гимлет» – наполовину джин, наполовину роузовский сок лайма², и больше ничего. Даст мартини сто очков вперед!

– Вам виднее, я не знаток. Как дела с Рэнди Старром? В наших краях говорят, ваш дружок не последний бандит в Лас-Вегасе.

Терри задумчиво откинулся назад:

– Все они одним миром мазаны. Хотя по Рэнди не скажешь. Я знаю в Голливуде парочку таких же воротил, но в отличие от Рэнди они не стесняются. В Лас-Вегасе Рэнди Старр – респектабельный бизнесмен. Вам обязательно нужно с ним познакомиться. Уверен, вы подружитесь.

– Вряд ли. Не люблю бандитов.

– Слова, Марлоу, пустые слова. После двух войн мир уже не тот, что был раньше. Однажды мы с Рэнди и еще одним приятелем угодили в переплет, и это связало нас крепче некуда.

– Тогда почему вы сразу к нему не обратились?

Терри допил бокал и махнул официанту.

– Потому что он не смог бы мне отказать.

– Снова пустые слова. Если он вам задолжал, то только обрадовался бы случаю отдать долг.

Терри кивнул:

– Верно. Да и потом, я ведь все равно к нему пришел. Впрочем, я честно отработал свой хлеб, а подачки мне не нужны.

– Однако вы не погнушались просить у чужого.

² *Rose's Lime Juice* производился на фабрике, в 1868 г. основанной Локленом Роузом (1829–1885) в Лите (район Эдинбурга).

Терри смело встретил мой взгляд:

– Чужой не станет лезть в душу.

Мы заказали еще три одинарных «Гимлета», но Терри даже не захмелел. То ли доза для него была слишком мала, то ли он и впрямь завязал.

Потом Терри отвез меня в контору.

– Мы ужинаем в восемь пятнадцать, – сказал он на прощание. – В наше время только миллионеры позволяют себе такое, и только их слуги согласны это терпеть. У нас собирается приятная компания.

С тех пор у Терри вошло в привычку заезжать за мной около пяти. Чаще всего мы сидели в баре у «Виктора». Наверное, что-то связывало Терри с этим местом. Он пил не много – и сам этому удивлялся.

– Должно быть, пьянство вроде малярии. Во время приступа чертовски плохо, а когда отпускает, напроць о ней забываешь.

– Никак в толк не возьму – чего ради птице вашего полета якшаться с ищейкой вроде меня?

– Скромничаете?

– Просто любопытно. Не спорю, я малый общительный и дружелюбный, но мы возвращаемся в разных мирах. Я даже не знаю толком, где вы живете. Слышал, что где-то в Энсино. Думаю, и ваша семейная жизнь под стать прочему.

– Нет у меня никакой семейной жизни.

Мы снова выпили. Бар был почти пуст. Рассеянный свет падал на первых пьяниц у стойки, медленно тянущих руку к первой рюмке, боясь ненароком ее опрокинуть.

– Не понимаю. А должен?

– Киношники говорят в таких случаях, что, когда затрат на миллион, никого не волнует, что сюжету грош цена. Сильвия по-своему счастлива, вот только не уверен, что со мной. В их кругу за счастьем не гонятся – всегда найдется чем себя занять. Не слишком весело; впрочем, богатые об этом не догадываются. Им просто никогда не доводилось чего-нибудь очень сильно хотеть, за исключением, возможно, соседской жены. Да и то разве сравнишь это желание со страстью, с какой жена водопроводчика хочет получить новые занавески в гостиную?

Я молчал, позволяя Терри выговориться.

– В основном я слоняюсь без дела, убивая время, а время – крепкий орешек. Теннис, гольф, плавание, верховая езда и утонченное удовольствие наблюдать, как приятели Сильвии маются с похмелья, дожидаясь ланча.

– В день, когда вы укатили в Вегас, она уверяла меня, что терпеть не может пьяниц.

Он скривился. Я так привык к изувеченному лицу Терри, что вспоминал о шрамах, только когда половину его лица искажала гримаса, подчеркивая деревянную неподвижность другой.

– Наверное, Сильвия имела в виду неимущих пьяниц. Ее дружки – совсем другое дело. Если они заблюют веранду, за ними будет кому убрать.

– Вы сами все это выбрали.

Терри залпом прикончил «Гимлет» и встал:

– Пойду я, Марлоу. Мне и самому тошно от собственных излияний, а вам, должно быть, и подавно.

– Ничего подобного. Я привык слушать. Да и хочется понять, ради чего вы позволяете Сильвии обращаться с собой как с любимой болонкой.

С загадочной улыбкой Терри слегка коснулся пальцем шрама на лице:

– Вместо того чтобы гадать, почему я валяюсь на шелковой подушке в ожидании хозяйской ласки, вы бы лучше задумались о том, почему Сильвия до сих пор меня терпит.

– С вами все ясно. Вам нравятся шелковые подушки. И шелковые простыни, и колокольчик для вызова слуг, и дворецкий с подобострастной улыбочкой.

– Возможно. Я вырос в сиротском приюте в Солт-Лейк-Сити.

Мы вышли в усталые густеющие сумерки, и Терри сказал, что хочет прогуляться. Мы дошли до машины, и мне впервые удалось опередить его, заплатив за парковку. Я смотрел ему вслед. Седые волосы на миг поймали свет от витрины, и его силуэт растворился в легком тумане.

Пьяным, несчастным, без гроша в кармане, но не утратившим гордости Терри нравился мне куда больше. Впрочем, возможно, мне нравилось смотреть на него свысока. Я плохо понимал мотивы его поступков. В моей профессии есть время задавать вопросы и время, когда нужно дать клиенту потомиться, – зато потом он выложит все как на духу. Эту нехитрую науку знает любой хороший полицейский. В шахматах и боксе те же правила: есть противники, которых приходится долго уламывать, а есть такие, которые сами валят себя с ног.

Расспроси я его, Терри наверняка рассказал бы мне свою историю. Но я ни разу не заикнулся о его шрамах. Окажись я любопытнее, и пара жизней была бы спасена. Впрочем, не уверен.

4

В последний раз мы сидели у «Виктора» в мае. Терри заехал за мной раньше обычного, в начале пятого. Он похудел и осунулся, но разглядывал бар с умиротворенной улыбкой.

– Как же я люблю бары сразу после открытия, когда внутри еще прохладно и свежо, поверхности блестят, а бармен поправляет галстук перед зеркалом. Эти аккуратные ряды бутылок и сияющие бокалы. Но главное – предвкушение. Бармен смешивает первый коктейль, ставит бокал на подставку, кладет рядом сложенную салфетку. Первый обязательно нужно смаковать. Вечереет, в баре тихо, а ты попиваешь свой «Гимлет» – что может быть лучше!

Я согласился.

– Алкоголь как любовь, – продолжил Терри. – Первый поцелуй – волшебство, второй – залог близости, а третий – рутина. После остается лишь снять с женщины платье.

– Что в этом плохого?

– Не спорю, любовь – чувство высшего порядка, но в основе своей нечистое. В эстетическом смысле. Я не против секса, нужно только держаться в рамках. Миллиардная индустрия пытается придать этому нехитрому занятию некий лоск, и каждый цент из этих миллиардов потрачен не зря.

Терри оглядел зал и зевнул.

– В последнее время я плохо сплю. До чего здесь славно! Но скоро набегут любители пропустить рюмку, поднимут шум и гам. Чертовы дамочки примутся призывно помахивать руками, хихикать и звенеть дурацкими браслетами, а ближе к вечеру сквозь мишуру проступит явный запах пота.

– Смотри на вещи проще. Люди потеют. Женщинам, как и мужчинам, время от времени необходимо принять душ. Или ты воображаешь, что женщины – золотистые бабочки, парящие в розоватой дымке?

Терри опустошил стакан, перевернул его и некоторое время наблюдал, как дрожащая капля медленно сползает по стеклу.

– Мне жаль ее, – произнес он с усилием, – хоть она и редкая стерва. Может быть, меня привлекает в ней именно это. Если когда-нибудь я ей понадобится, то окажусь единственным среди ее друзей, кому нет дела до ее миллионов. А еще вернее, в нужный момент меня рядом не окажется.

– Да уж, продавать себя ты мастак, – заметил я после недолгого молчания.

– Не спорю. Я – ничтожество. Ни воли, ни амбиций. Думал, схватил удачу за хвост, а вышло наоборот. Таким, как я, только раз удастся взлететь под купол. А потом жизнь идет под откос, и тут уж лишь бы устоять на ногах и не свалиться в канаву.

– И ради чего это все? – Я достал трубку и принялся ее набивать.

– Пойми, она напугана. До смерти напугана.

– Чего она боится?

– Не знаю. Мы почти не разговариваем. Может быть, своего старика. Харлан Поттер – черствый сукин сын. Корчит из себя викторианского джентльмена, а внутри безжалостен, как гестаповец. Сильвия – шлюшка. Он ненавидит ее за это, но ничего не может поделать. Затаился и ждет. Стоит Сильвии вляпаться в серьезный скандал – и папочка разорвет ее пополам и закопает половинки в тысяче миль друг от друга³.

– Ты ее муж.

³ Аллюзия на убийство 22-летней Элизабет Шорт по прозвищу Черный Георгин, совершенное в Лос-Анджелесе в январе 1947 г. и так и оставшееся нераскрытым.

Терри поднял стакан и ударил им по столу. Стакан звякнул и раскололся. Бармен посмотрел на нас, но промолчал.

– Вот именно, муж. В документах записано. Я – муж. Три белые ступеньки, ведущие к зеленой двери. Постучи три раза бронзовым дверным молотком – один долгий, два коротких, – и прислуга любого впустит в этот бордель – сто долларов за ночь.

Я встал и швырнул на стол деньги.

– Болтаешь слишком много. Только и умеешь, что болтать. Счастливого оставаться.

Я пошел к выходу. В полумраке бара на бледном лице Терри проступило изумление. Он что-то сказал мне вслед, но я не оглянулся.

Спустя десять минут я пожалел о своем уходе, но было поздно. Терри больше не заезжал за мной в контору. Ни разу. Видно, мои слова задели его за живое.

Он не давал о себе знать целый месяц, а когда объявился, на часах было пять утра и едва начинало светать. Настойчивый звонок поднял меня с постели. Спотыкаясь, я поплелся к двери. Терри выглядел так, словно не спал неделю. Легкое пальто с поднятым воротником, черная фетровая шляпа надвинута на глаза. Его била дрожь.

В руке Терри держал пистолет.

5

В меня Терри не целился, просто держал пистолет в руке. Автоматический, среднего калибра, иностранный, определенно не «кольт» и не «сэвидж». Сам Терри – бледный, со шрамами, с поднятым воротником пальто и в надвинутой по самые брови шляпе – словно сошел с экрана зубодробильного гангстерского боевика.

– Отвези меня в Тихуану. Рейс в десять пятнадцать, – выпалил он с порога. – Паспорт и виза есть. Поезд, автобус и самолет мне не подходят. Поработаешь таксистом за пять сотен?

Я стоял на пороге, загораживая проход.

– Пять сотен баксов и пистолет?

Терри рассеянно посмотрел на пистолет и сунул его в карман.

– Это для защиты, – сказал он. – Твоей, не моей.

– Заходи. – Я отступил в сторону.

Терри вошел и устало плюхнулся в кресло.

В гостиной висел полумрак – хозяйские кусты давно требовали обрезки. Я зажег лампу и вытащил сигарету. Закурил, не сводя с Терри глаз, зачем-то взъерошил и без того всклокоченные со сна волосы. В конце концов я натужно улынулся:

– Надо же, чуть не проспал такое утро!.. На десять пятнадцать, говоришь? Времени уйма. Пойду сварю кофе.

– Я угодил в серьезный переплет, сыщик.

Терри впервые назвал меня так. Впрочем, это вполне вязалось с его внезапным появлением, беспорядком в одежде и пистолетом в руке.

– Погодка сегодня на зависть. Старые добрые эвкалипты шепчутся о старых добрых временах в Австралии, когда под их кронами скакали кенгуру, а коалы ползали по веткам. Да вижу я, что ты вляпался, только давай обсудим это позже. Спросонья я туго соображаю. Нужна помощь мистера Хаггинса и мистера Янга.

– Марлоу, сейчас не время для...

– Тихо, дружище, тихо. Мистер Хаггинс и мистер Янг знают толк в своем деле. Кофе «Хаггинс – Янг» – лучший на свете, гордость и смысл жизни его производителей. Я исправно выкладываю за него денежки, но, согласитесь, не все измеряется деньгами. Мы еще услышим, как прогремят их имена.

Продолжая молоть вздор, я вышел, включил на кухне кран с горячей водой и достал с полки кофейник. Отмерил порцию кофе. От воды поднимался пар. Я наполнил нижнюю колбу, поставил ее на плиту и со щелчком соединил верхнюю и нижнюю части.

Подошел Терри, на миг прислонился к дверному косяку, затем пересек кухню и тяжело опустился на скамью. Его бил озноб. Я вытащил бутылку «Олд гранд дэд» и доверху наполнил стакан. Меньшим сегодня было не обойтись. Терри обеими руками поднес стакан ко рту и сделал жадный глоток. Стакан с глухим стуком выпал у него из рук, а Терри грузно откинулся на спинку.

– Чуть не отрубился, – пробормотал он, – словно не спал неделю. Всю ночь глаз не сомкнул.

Кофеварка забулькала. Я уменьшил пламя и внимательно следил, как поднимается вода. Затем повернул ручку на полную мощность и за секунду до критической отметки снова уменьшил газ. Размешал, накрыл кофейник и выставил таймер на три минуты. Аккуратный малый этот Марлоу. Кофе не терпит суеты. Даже револьвер в руке отчаявшегося гостя не может помешать приготовлению божественного напитка.

Я снова плеснул Терри бурбона.

– Посиди тут. И ни слова больше.

Второй стакан он поднес к губам уже одной рукой. Я быстро умылся и вернулся на кухню как раз к тому времени, когда зазвонил таймер. Я выключил газ и перенес кофейник на соломенную подставку в центре стола. К чему эти ненужные подробности? Бывают минуты, когда важен любой механический жест. Сверхчувствительные мгновения, когда привычные движения становятся волевым актом, и ощущаешь себя как переболевший полиомиелитом, который заново учится ходить, а все вокруг зыбко и шатко, и ничему нельзя доверять.

Осадок опустился на дно, с шипением вышел воздух, поверхность забурилась и успокоилась. Я снял верхнюю колбу и поставил ее в раковину. Наполнил две чашки и плеснул Терри еще немного бурбона.

– Тебе – черный.

Себе я добавил два куса сахара, машинально открыл холодильник и достал пакет сливок.

Наконец я уселся напротив Терри. Некоторое время он молчал и не двигался с места, но внезапно уронил голову на стол и начал всхлипывать.

Я спокойно вытащил из его кармана пистолет. «Маузер» калибра 7,65. Ничего не скажешь, красавец. Понюхал дуло. Магазин полный, в патроннике пусто.

Терри поднял голову, увидел чашку и отхлебнул несколько глотков. Он старательно избегал моего взгляда.

– Я никого не убивал, – произнес он.

– Во всяком случае, не в последнее время, иначе пистолет пришлось бы почистить. Из этого оружия не стреляли.

– Я все расскажу.

– Постой. – Обжигаясь, я проглотил содержимое чашки и снова наполнил ее. – Так-то лучше, но предупреждаю – выбирай слова. Если хочешь, чтобы я отвез тебя в Тихуану, ни в коем случае не рассказывай мне двух вещей. Первое. Ты слушаешь?

Уставившись в стену, Терри еле заметно кивнул. Шрамы на мертвенно-бледной коже сегодня особенно бросались в глаза.

– Итак, первое, – продолжил я не спеша. – Если ты замешан в чем-то серьезном, в том, что закон именует преступлением, – не говори мне. Второе. Если тебе известно о преступлении, совершенном кем-то еще, тоже не говори. Если, конечно, хочешь, чтобы я доставил тебя в Тихуану. Ясно?

Терри поднял глаза. На безжизненном, лишенном красок лице появилось осмысленное выражение. Кофе делал свое дело. Я плеснул ему еще немного, не забыв про бурбон.

– Я уже сказал, что серьезно влип.

– Это я понял. Не хочу знать, во что именно. У меня лицензия, она меня кормит.

– А у меня пистолет.

Я усмехнулся и швырнул «маузер» на стол. Терри смотрел на него, но руки не протянул.

– Собираешься держать меня на мушке до самого трапа? Мне приходилось иметь дело с оружием, поэтому предлагаю забыть о твоем несчастном «маузере». Хорош я буду, рассказывая в полиции, как подчинился под дулом пистолета! Конечно, если эта история дойдет до полиции, в чем я сомневаюсь.

– Решай сам. Раньше полудня к ней никто не войдет. Прислуге не велено будить хозяйку. Только около двенадцати горничная постучится и обнаружит, что спальня пуста.

Я молча прихлебывал кофе.

– Тогда она пойдет в гостевой дом позади главного здания. Свой подъезд, отдельный гараж и прочее. Иногда Сильвия там ночует.

– Похоже, задавать вопросы придется с осторожностью. А что, если она провела ночь в городе? – спросил я, нахмурившись.

– Одежда в спальне будет раскидана по полу, – не моргнув глазом продолжил Терри. – Сильвия аккуратностью не отличается. Прислуга сообразит, что хозяйка в халате поверх пижамы отправилась в гостевой дом.

– Ну, это еще вопрос.

– Так все и было. Неужели ты думаешь, будто никто не догадывается, что там творится? Прислуга знает все.

– Продолжай.

Терри с силой провел пальцем по здоровой щеке, оставив на коже алую полосу.

– А в гостевом доме, – медленно промолвил он, – служанка обнаружит...

– ...мертвецки пьяную, надравшуюся в хлам, наливавшуюся под завязку Сильвию, – перебил его я.

– Пьяную? – Некоторое время он усиленно размышлял. – Пусть так. Сильвию не назовешь запойной пьяницей, неудивительно, что ее развезло.

– Вот и конец истории, – закончил я. – Или почти конец. Попробуем додумать на ходу. В последний раз, когда мы сидели в баре, я нагрубил тебе и ушел не простившись. Ты со своими признаниями у меня в печенках сидел. И только потом я понял, что ты вел себя так из-за нехорошего предчувствия. Ты рассказал мне, что загодя приготовил паспорт и визу – мексиканцы кого ни попадя в страну не пускают. Стало быть, уйти ты задумал давно. Мне и самому интересно, что заставило тебя терпеть так долго.

– Наверное, чувствовал, что должен быть рядом, что сгложусь на что-нибудь поважнее, чем ограждать ее от неумеренных амбиций ее папаши. Кстати, около полуночи я звонил тебе...

– Я сплю крепко и ничего не слышал.

– ...а не дозвонившись, отправился в турецкие бани. На все процедуры ушла пара часов. Оттуда я тоже кое-кому позвонил. Машину оставил на углу Ла-Бриа и Фаунтин. К тебе пришел пешком. Никто не видел, как я сворачивал на твою улицу.

– Ты звонил мне из бань?

– Не тебе, Харлану Поттеру. Старик вчера улетел в Пасадену по делам. К нам он не заглядывал. Мне с трудом удалось его разыскать. Я сказал, что сожалею, но не останусь.

Терри не сводил глаз с кустов текомы за окном.

– Как он отнесся к твоим словам?

– Огорчился. Пожелал удачи. Спросил, нужны ли деньги. – Терри издал сдавленный смешок. – Деньги. Первые шесть букв в его алфавите. Я ответил, что в деньгах не нуждаюсь. Затем позвонил сестре Сильвии. Снова та же история.

– Тебе случалось заставлять Сильвию с другими?

Терри покачал головой:

– Это было несложно, но я никогда не пытался.

– Твой кофе остынет.

– Спасибо, мне хватит.

– Так, говоришь, она не стеснялась? Однако ты снова на ней женился. Должно быть, твоя Сильвия – горячая штучка, иначе...

– Я не говорил, что святой. Какого черта я ушел от нее тогда? Почему не мог спокойно смотреть на нее потом? Да я лучше сдохну в канаве, чем возьму ее деньги! Она была замужем пять раз, не считая меня. Любой из ее бывших приползет обратно, стоит Сильвии поманить. И не только из-за ее миллионов.

– Она точно горячая штучка. – Я посмотрел на часы. – Почему ты решил лететь этим рейсом?

– Там всегда есть свободные места. Никому не хочется тащиться из Лос-Анджелеса через горы на «дугласе», если можно сесть на «конни» – и спустя семь часов ты в Мехико⁴. Вот только «конни» не приземляется там, где мне нужно сойти.

Я встал и прислонился к раковине спиной.

– Давай подытожим, только не перебивай. Сегодня утром ты явился ко мне сам не свой и попросил отвезти тебя в Тихуану. У тебя в кармане лежал пистолет, хотя это не значит, что я его видел. Ты сказал, что долго терпел, но вчера вечером не выдержал, обнаружив жену мертвецки пьяной в объятиях любовника. Ты решил подождать до утра, отправился в турецкие бани, откуда связался с ближайшими родственниками жены, чтобы сказать им, что сваливаешь. Куда – не мое дело. У тебя были документы, чтобы переправиться в Мексику. Как – меня не касается. Мы друзья, поэтому я не стал задавать лишних вопросов. Ты был не в состоянии сесть за руль, поэтому попросил отвезти тебя в Тихуану. Меня и это не удивило – ты человек эмоциональный, получил увечье на войне. Наверное, стоит отогнать машину в гараж.

Терри покопался в кармане и бросил на стол кожаный чехол с ключами:

– Думаешь, прокатит?

– Смотря с кем. Но я не закончил. С собой ты взял только ту одежду, что на тебе, и деньги, которые дал тесть. Все, что дарила Сильвия, оставил, включая ту красотку, что припаркована на углу Ла-Бриа и Фаунтин. Хотел начать все с нуля. Ладно, пойдет. А теперь я иду бриться и умываться.

– Зачем тебе эти хлопоты, Марлоу?

– А пока я бреюсь, выпей что-нибудь.

Я вышел. Он по-прежнему горбился в углу: шляпу и пальто не снял, но выглядел бодрее.

В спальне я повязал галстук. В дверях показался Терри.

– На всякий случай я вымыл чашки, – сообщил он и запнулся. – Я тут подумал... Может быть, лучше вызвать полицию?

– Вызывай. Мне нечего им сказать.

– Ты этого хочешь?

Я резко обернулся и сурово посмотрел на Терри.

– Да прекрати ты дергаться, в самом деле! – Я еле сдерживался. – Назад пути нет.

– Извини.

– Он извиняется! Парни вроде тебя только и умеют, что извиняться. И всегда не вовремя.

Терри развернулся и вышел в гостиную.

Я оделся и запер заднюю дверь. Когда я вернулся в гостиную, он спал в кресле, склонив голову на плечо, бледный и обмякший. Выглядел он жалко. Я тронул его за плечо. Терри проснулся не сразу и долго не мог понять, где находится.

– А чемодан? – спросил я. – Твой белокожий красавец все еще стоит на верхней полке в моем шкафу.

– Все равно он пуст, – равнодушно ответил Терри. – И слишком бросается в глаза.

– Совсем без багажа ты будешь бросаться в глаза еще больше.

Я вернулся в спальню, открыл шкаф и стянул чемодан с верхней полки. Квадратный люк на чердак был прямо над моей головой. Я размахнулся и зашвырнул чехол с ключами от автомобиля Терри на балки, стропила... как их там.

Стерев с чемодана пыль, я закинул внутрь пару новых пижам, пасту, запасную зубную щетку, пару дешевых полотенец, упаковку носовых платков, пятнадцатисантиметровый тюбик крема для бритья и одну из тех бритв, которые прилагаются к упаковке лезвий. Все новехонькое, ничего подозрительного. Хотя лучше бы, конечно, засунуть туда что-нибудь из вещей Терри.

⁴ Имеются в виду двухмоторный ближнемагистральный *Douglas DC-5* на 20 пассажиров, выпускавшийся в 1940–1949 гг., и четырехмоторный авиалайнер *Lockheed Constellation* на 100 пассажиров, выпускавшийся в 1943–1958 гг.

Добавил пинту бурбона, еще в магазинном пакете. Ключ оставил в замке. Терри в гостиной снова уснул. Я не стал его трогать. Открыл дверь, отнес чемодан в гараж и поставил на переднее сиденье «олдсмобилия». Затем вывел машину, запер гараж и отправился будить Терри.

Мы ехали быстро, но скорость не превышали, чтобы не привлекать внимания. За всю дорогу обмолвились парой слов, даже не остановились перекусить. Времени было в обрез.

Пограничники нас не тронули. На вершине горы было ветрено. Пока Терри покупал билет, я ждал в машине. Пропеллеры «дугласа» уже крутились, прогревая мотор. Красавец-пилот в серой форме болтал с четырьмя пассажирами. Один из них – мужчина ростом не меньше шести футов четырех дюймов – держал в руке оружейный футляр. Еще там были девушка в брюках, мужчина средних лет и высокая седовласая женщина, рядом с которой ее спутник казался еще ниже и тщедушнее. Были еще три-четыре путешественника, по виду мексиканцы. Похоже, посадка уже началась, но никто не спешил подняться по трапу. Стюард-мексиканец спустился вниз по ступенькам, и его соотечественники начали карабкаться вверх. Красавец-пилот продолжал болтать с американцами. Кажется, здесь не было даже громкоговорителей.

Рядом со мной был припаркован большой «паккард». Я высунулся из машины и скосил глаза на номерной знак. Когда уже я перестану совать нос в чужие дела и займусь своими? Я втянул голову в окно и заметил, что на меня смотрит высокая седая американка.

Вернулся Терри:

– Ну вот, все готово. Пора прощаться.

Я пожал протянутую руку. Терри держался почти молодцом, только выглядел смертельно усталым.

Я вытащил чемодан и поставил на пыльную щебенку. Терри сердито посмотрел на него.

– Я же говорил, мне он не нужен, – буркнул он.

– Внутри пинта превосходного бурбона. Пара пижам. Все новое. Не хочешь брать, снова сдай на хранение. Или выброси.

– Повторяю, мне он не нужен.

– И мне.

Внезапно он улыбнулся, подхватил чемодан и сжал мое плечо:

– Ладно, будь по-твоему. Запомни, что бы ни случилось, ты тут ни при чем. И ничего мне не должен. Мы несколько раз вместе выпивали, и я наговорил тебе кучу лишнего, только и всего. Да, в жестянке из-под кофе я оставил пять стодолларовых банкнот. Не сердись на меня.

– Напрасно.

– Мне не потратить и половины того, что у меня есть.

– Удачи, Терри.

Американцы начали подниматься по трапу. Из здания аэропорта вышел загорелый широколицый коротышка и принялся махать руками.

– Пора на посадку, – сказал я. – Я знаю, ты ее не убивал. Поэтому я здесь.

Терри вздрогнул, тело напряглось. Он отвернулся, затем снова посмотрел на меня.

– Прости, – тихо промолвил он, – но ты ошибаешься. Сейчас я медленно пойду к самолету – и у тебя будет время передумать.

Терри медленно шел к зданию аэропорта. Я смотрел ему вслед. Коротышка в дверях спокойно ждал. Кажется, его не слишком раздражала медлительность пассажира. Мексиканцы все такие. Коротышка с улыбкой хлопнул чемодан по боку и посторонился. Терри скрылся внутри, а спустя несколько секунд вышел из противоположной двери и направился к самолету. У трапа Терри оглянулся. Не кивнул, не махнул мне рукой. Как и я ему. Он поднялся, и трап втянули внутрь.

Я сел в машину, завел мотор, дал задний ход и выехал со стоянки. Высокая седовласая женщина рядом со своим низеньким спутником махала платочком. Подняв пыльную бурю,

«дуглас» медленно отъехал в конец поля и развернулся. Взревели моторы. Самолет начал медленно набирать скорость, за ним вилось пыльное облако.

Наконец «дуглас» оторвался от земли, и крылатый силуэт растворился в безоблачной синеве на юго-западе.

Затем я уехал. На границе никто на меня не взглянул, словно я был пустым местом.

6

Обратный путь показался мне бесконечным. Дорога из Тихуаны – одна из самых скучных в штате, а сам городишко – дыра. Местные спят и видят, как бы выкачать из проезжего доллар. Парнишка с громадными печальными глазами робко подходит к машине и выпрашивает десятицентовик – и тут же предлагает вам свою сестру, чтобы развлечься. Тихуана не Мексика. Приграничному городишке никогда не стать чем-то большим. Так порт всегда остается только портом. Взять Сан-Диего: одна из прекраснейших гаваней в мире – лишь причал для военных кораблей и рыбацких лодок. Ночью порт превращается в сказку, и нежнейшая зыбь бежит по воде, словно старуха мурлычет церковный гимн. Однако Марлоу пора домой – пересчитать ложки в буфете.

Дорога на север монотонна, как заунывная матросская песня. Город, за городом – холм, за холмом – пляж, снова город, снова холм, за которым еще один пляж.

Домой я вернулся в два часа пополудни. Меня поджидал темный седан без опознавательных знаков и красных огней. Правда, с двойной антенной, но такие ставят не только на полицейских машинах. Я успел подняться до середины лестницы, когда меня окликнули. Типичная парочка в стандартных пиджаках, они двигались с тяжеловесной ленцой, словно весь мир подобострастно притих в ожидании их указаний.

– Вы Марлоу? Есть разговор.

Один из них сунул мне в физиономию бляху – рассмотреть ее я все равно не успел бы. Этот тип вполне мог оказаться из санитарной инспекции. Седой, надменный. Его красавчик-партнер, высокий и подтянутый, производил впечатление костолома, причем образованного костолома. У обоих были внимательные и цепкие глаза – спокойные и холодные, высокочмерные и пронзительные. Такие глаза копам вручают вместе с дипломом на выпускном вечере в полицейской школе.

– Сержант Грин, центральный убойный отдел. А это детектив Дейтон.

Я отпер дверь. Копы никогда не протянут тебе руки. Слишком много чести.

Они уселись в гостиной. Я открыл окно, впуская в комнату свежий воздух.

Начинал Грин.

– Вам знаком некий Терри Леннокс?

– Да, иногда выпивал с ним в баре. Он живет в Энсино, правда я там никогда не был. Женат на богачке.

– «Иногда», – повторил Грин. – Насколько часто?

– Сложно сказать. Раз в неделю, раз в месяц.

– Знакомы с его женой?

– Видел мельком – еще до того, как они поженились.

– Где и когда вы видели Леннокса в последний раз?

Я потянулся за трубкой и не спеша набил ее. Грин подался вперед. Его высокий партнер сидел неподвижно, держа на коленях ручку и блокнот с красным обрезом.

– Здесь я должен поинтересоваться, какого черта вы спрашиваете, и услышать в ответ, что вопросы тут задаю не я.

– Так отвечайте.

Я разжег трубку. Табак слегка отсырел. Мне пришлось повозиться и спалить по меньшей мере три спички.

– Времени у меня уйма, – заметил Грин, – хотя мы давно тут ошиваемся. Я жду, мистер. Мы знаем, кто вы такой. И мы тут не для того, чтобы нагулять аппетит перед обедом.

– Я просто задумался. Чаще всего мы ходили к «Виктору», реже – в «Зеленый фонарь» или в «Быка и медведя» – наверняка вам знаком этот бар в конце Стрипа, таверна в английском духе...

– Хватит вилять, – поморщился Грин.

– Так кого убили? – спросил я.

– Отвечайте на вопрос, Марлоу, – вступил в разговор Дейтон, его тон не допускал возражений. – Мы проводим стандартное расследование. Это все, что вам нужно знать.

Наверное, в последнее время я выдохся. Возможно, меня мучило смутное чувство вины. Но я возненавидел этого молодчика с первой секунды и без долгих размышлений с удовольствием заехал бы поганцу в челюсть.

– Да пошел ты, легавый. Нашел малолетку. Это просто курам на смех.

Грин хмыкнул. На лице Дейтона не дрогнул ни один мускул, но внезапно он как будто стал на десять лет старше и лет на двадцать злее. Он шумно засопел.

– Дейтон сдал экзамен на адвоката, – заметил Грин. – Его вокруг пальца не обведешь.

Я медленно встал, снял с полки Уголовный кодекс штата Калифорния и протянул Дейтону:

– Будьте так любезны, найдите тут статью, в которой говорится, что я обязан отвечать на ваши вопросы.

Внешне Дейтон был спокоен, но у него явно чесались кулаки. Он ждал подходящего момента, но, похоже, не был уверен, что напарник его прикроет.

– Каждый гражданин, – произнес он сурово и четко, – обязан сотрудничать с полицией, включая физические действия и дачу показаний, если предоставляемые им сведения не направлены против него.

– Вполне годится, чтобы запугивать простофиль, но в законе этого нет. Никто, нигде и ни при каких обстоятельствах не обязан свидетельствовать в полиции.

– Хватит! – Грин начал терять терпение, – у вас рыльце в пушку, вот вы и виляете. Сядьте. Жена Леннокса убита в гостевом доме в Энсино. Самого Леннокса и след простыл. Мы разыскиваем убийцу. Такое объяснение вас устраивает?

Я бросил книгу на кресло и вернулся на диван. Теперь от Грина меня отделял стол.

– Я-то тут при чем? Еще раз повторяю: я и близко не подходил к их дому.

Грин поглаживал себя по ляжкам и спокойно улыбался. Дейтон молча поедая меня глазами.

– Номер вашего телефона записан на отрывном календаре, который нашли в комнате Леннокса. Листок со вчерашней датой вырван, но цифры отпечатались на следующей странице. Мы не знаем, когда он звонил вам, не знаем, куда, когда и зачем он подался, но собираемся узнать.

– Но почему в гостевом доме? – спросил я, не особенно рассчитывая на ответ.

– Кажется, она проводила там почти все ночи, – слегка покраснев, ответил Грин. – Принимала гостей. Между деревьями прислуга видела огни. Машины подъезжали и уезжали, иногда поздно, иногда очень поздно. Вот вам и мотив, а значит, Леннокс – тот, кто нам нужен. По словам дворецкого, он зашел в гостевой дом около часу ночи. Вернулся один, минут двадцать спустя. Свет в доме горел до утра. А утром Леннокса уже не было. Когда дворецкий вошел внутрь, она лежала на кровати, нагая, как русалка, а вместо лица – кровавые ошметки. Убийца разнес его бронзовой статуэткой обезьяны.

– Терри Леннокс на такое не способен, – сказал я. – Конечно, она ему изменяла. История стара как мир. Она изменяла ему всегда, они разводились, потом снова сошлись. Понятно, что ее привычки не слишком радовали Леннокса, но ради чего убивать ее сейчас?

– Кто ж его знает? – пожал плечами Грин. – Такое случается сплошь и рядом. Жены убивают мужей, мужья – жен. Парень терпел-терпел да и не выдержал. Наверняка он и сам

не в состоянии объяснить, почему внезапно впал в ярость, а нам теперь с трупом возиться. И хватит увиливать, не то заберем вас в участок.

– Он ничего не скажет, сержант, – процедил Дейтон. – Он у нас умные книги читает. Как и все болваны, он думает, что закон прописан в книгах.

– А ты записывай да помалкивай, – огрызнулся Грин. – А за хорошее поведение позволим тебе спеть на полицейской вечеринке.

– Со всем уважением, сержант, не пошли бы вы...

– Вы еще подеритесь, – подначил я Грина. – А я его подхвачу, когда рухнет.

Дейтон с преувеличенной аккуратностью сложил блокнот и ручку на кресло. В его глазах зажегся опасный огонек. Он пересек комнату и склонился надо мной:

– Вставай, умник! Если я закончил колледж, это не повод, чтобы мне хамили разные гниды.

Не успел я встать с дивана, как левый хук Дейтона заставил меня рухнуть обратно. Зазвонили колокола, но не к обеду. Я потряс головой. Дейтон все еще стоял надо мной и ухмылялся:

– Еще разик? Этот удар ты пропустил, но положение было неравным.

Я взглянул на Грина. Он пристально рассматривал заусенец на большом пальце. Я ждал, пока он поднимет глаза. Если я снова попытаюсь встать, Дейтон ударит еще раз. Но если он меня ударит, ему конец. Он знал, куда бить, но чисто по-боксерски, так что до нокаута далеко. Не ему со мной тягаться.

– Умница, Билли, не оплошал. Теперь из него слова не вытянешь, – равнодушно заметил Грин и спокойно добавил: – Еще одна попытка, Марлоу. Для протокола. Когда, где и при каких обстоятельствах вы последний раз видели Терри Леннокса и о чем говорили? И где провели сегодняшнее утро? Ответить будем?

Дейтон спокойно стоял надо мной, упираясь ногами в пол. На губах его блуждала довольная ухмылка.

– А как насчет другого? – спросил я у Грина.

– Какого другого?

– Того парня, который был в постели с Сильвией в гостевом доме. Кажется, вы упомянули, что она удалялась туда не ради того, чтобы пасьянс разложить.

– Пока это не главное. Сначала возьмем мужа.

– Ну еще бы, зачем вам лишние хлопоты. Козел отпущения у вас уже есть.

– Будете много говорить, загремите в участок, Марлоу.

– Как свидетель?

– Черта с два! Как подозреваемый в соучастии. За помощь в побеге с места преступления. Я уверен, вы Леннокса куда-то отвезли. Доказать пока не могу, но хватит и подозрений. Начальник участка последние дни не в духе. Он знает законы, но иногда смотрит на них сквозь пальцы. Вы еще пожалеете о своем упрямстве, Марлоу. Так или иначе, но мы вышибем из вас показания. Чем больше будете упираться, тем хуже для вас.

– Он считает, что все это чушь собачья, – хмыкнул Дейтон, – раз этого нет в законе.

– Так оно и есть – чушь собачья, – спокойно ответил Грин. – Однако до сих пор наш метод не давал осечек. С меня довольно. Вставайте, Марлоу. Едем в участок.

– Ладно, черт с вами. Терри Леннокс – мой друг, и он слишком дорог мне, чтобы я предал его доверие только потому, что на меня наехал какой-то коп. Наверняка у вас есть на него что-то еще, кроме того, что вы мне рассказали. Что именно? Мотив, возможность совершить преступление и то, что Терри бежал. Мотив давно прокис – поверьте, они сто лет как обо всем договорились. Признаться, я не одобряю подобных сделок, но такой уж он, Терри, мягкий и великодушный. Больше тут говорить не о чем, за исключением того, что он прекрасно понимал: когда ее найдут убитой, все свалят на него. На слушании – если будет слушание и если меня вызовут – я отвечу на вопросы. Вам я отвечать не стану. Вы – хороший коп, Грин, в отличие

от вашего припадочного напарника, который умеет только упиваться собственной крутизной. Хотите, чтобы я по-настоящему угодил в переплет, дайте ему ударить меня еще раз, и я сломаю его чертов карандашик.

Грин встал и печально улыбнулся. Дейтон застыл на месте. Ненадолго же его хватило. Видно было, соображал Дейтон небыстро.

– Ладно, позвоню начальству, – сказал Грин, – но я заранее знаю ответ. Вы чокнутый, Марлоу, совсем чокнутый. Прочь с дороги. – Последнее адресовалось Дейтону, который схватил блокнот и отступил в сторону.

Грин подошел к телефону и медленно снял трубку. Неблагодарная служба в полиции оставила глубокие морщины на его простом лице. С копами всегда так. Только решишь ненавидеть их всех скопом, как окажется, что среди них затесался приличный человек.

Капитан велел Грину тащить меня в участок и не слишком церемониться.

На запястьях защелкнулись наручники. Полицейские не стали обыскивать дом, решив, что я (с моим-то опытом!) не стану держать у себя ничего компрометирующего. Тут они просчитались. При тщательном осмотре наверняка нашлись бы ключи от машины. А уж если бы они обнаружили саму машину, мне ни за что бы не отвертеться.

Впрочем, беспокоился я зря. Полиция так и не нашла шикарное авто Терри. Его украли в ту же ночь, отогнали в Эль-Пасо, сменили замки, подделали документы и продали на рынке в Мехико. Приграничная мафия свое дело знает. Деньги, вырученные за машину, вернулись в Штаты в виде героя. Такая вот политика добрососедства в бандитском изводе.

7

В тот год отдел по расследованию убийств возглавлял капитан Грегориус. Нынче такие копы почти перевелись. С преступниками Грегориус не церемонился: свет в лицо, дубинкой по почкам, кулаком под дых, коленкой в пах, жезлом по пояснице. Полгода спустя капитан был уличен в лжесвидетельстве перед судом присяжных, и его по-тихому отправили в отставку. Погиб он на собственном ранчо в Вайоминге, где его затоптал взбесившийся жеребец.

Сегодня его добычей был я. Грегориус восседал за письменным столом без мундира, с закатанными до локтя рукавами. Он был лыс как колено и, подобно многим здоровякам, после сорока заметно раздался в талии. Серые водянистые глаза, большой нос в сетке красных прожилок. Капитан звучно прихлебывал кофе. Мощные ручищи покрывала черная поросль, из ушей торчали пучки седых волос. Грегориус повозил чем-то по столу и посмотрел на Грина.

– Против него только то, что он молчит как рыба, шеф, – доложил Грин. – Номер его телефона был на отрывном календаре Леннокса. С утра куда-то выезжал, куда – не говорит. Хорошо знает подозреваемого, но отказывается отвечать, когда видел того в последний раз.

– Ишь ты, упрямец, – спокойно заметил Грегориус. – Ну, это поправимо.

Судя по тону, способ, которым он собирается выбить признание из подозреваемого, значения не имел. Капитан Грегориус и не таких раскалывал.

– Дело в том, что окружной прокурор нюхом чует: шумиха будет громкая. Его можно понять, учитывая, чья она дочка. Так что придется хорошенько выпотрошить этого малого.

Он взглянул на меня как на пустое кресло или окурок. Я был неодушевленным предметом, на мгновение попавшим в поле его зрения.

– Он явно пытался создать такую ситуацию, чтобы можно было с чистой совестью отказаться отвечать на вопросы, – почтительно промолвил Дейтон. – Кодекс цитировал, подстрекал меня. Он сам нарывался, капитан. Вот я и не выдержал.

– Выходит, тебя легко вывести из равновесия? Даже такому ничтожеству? – Грегориус одарил подчиненного кислым взглядом. – Кто снял наручники?

Грин ответил, что это сделал он.

– Надеть обратно, – приказал капитан.

Грин завозился с наручниками.

– Руки за спину, – уточнил Грегориус.

Грин подчинился приказу.

– Да потуже, – не унимался капитан. – Надо взбодрить его.

Грин исполнил и это. Мои запястья начали неметь.

– А теперь можешь говорить, – капитан наконец-то взглянул на меня, – да поживее.

Я молчал. Грегориус откинулся на спинку кресла и осклабился. Его рука медленно потянулась к чашке, затем он подался вперед и выплеснул кофе в меня, но промазал – я успел скатиться со стула на пол, больно ударившись плечом. Руки окончательно занемели, запястья отозвались ноющей болью.

Грин помог мне подняться. Часть жидкости запачкала спинку и сиденье стула, но в основном досталось полу.

– Надо же, не любит кофе, – заметил Грегориус. – Ишь ты, какой шустрый. Неплохая реакция.

Все молчали. Грегориус разглядывал меня водянистыми рыбьими глазами.

– Видите ли, мистер, здесь ваша лицензия – пустая бумажонка. Я жду ваших показаний, сначала устных, бумаги оформим потом. Ничего не упустите. Мне нужен полный отчет о том, что вы делали с десяти часов вечера вчерашнего дня. Подчеркиваю, полный. Мы расследуем убийство. Главный подозреваемый сбежал. Вы хорошо его знали. Малый застал жену в постели

с другим и проломил ей башку бронзовой статуэткой. Не слишком оригинально, зато эффективно. И если вы думаете, что я позволю какому-то жалкому частному детективу цитировать передо мной кодекс, вы ошибаетесь. Нам в полиции кодекс ни к чему. У вас есть информация, и я намерен ее получить. Отмолчаться не получится. Итак, я жду.

– А наручники снимете, капитан? – спросил я. – Разумеется, если дам показания.

– Посмотрим. Только не тяни.

– Если я скажу, что не видел Леннокса в течение последних двадцати четырех часов и не знаю, где он сейчас, вас это устроит?

– Сказать-то можете, только вряд ли я поверю.

– А если скажу, что видел его, но понятия не имел, что он кого-то убил, а куда он делся потом, мне неведомо?

– Эту историю я готов выслушать, только в подробностях: где, когда, как он выглядел, о чем говорил, куда собирался отправиться. Из этого может что-то выйти.

– С вашими подходами выйдет только то, что вы сделаете из меня соучастника.

Капитан набылся, а глаза стали цвета грязного льда.

– И что?

– Ну, не знаю. Я готов сотрудничать с полицией, но мне не помешал бы совет адвоката. И я не отказался бы от присутствия кого-нибудь из прокуратуры.

Капитан издал хриплый смешок, похоже заводясь с полоборота. Медленно встал с кресла, обошел стол и, упершись рукой в столешницу, несколько мгновений молча изучал меня. Затем, все с той же нехорошей улыбкой, Грегориус поднял правый, похожий на молот кулак и с размаху заехал мне в шею.

Удар с расстояния в восемь-десять дюймов едва не снес мою голову с плеч. Во рту смешались кровь и желчь, я ничего не слышал, только грохот в ушах. Капитан все еще улыбался, по-прежнему упираясь в стол левой рукой. Его голос раздавался откуда-то издали:

– Теперь-то я уже не тот, что раньше, постарел. Одна хорошая затрещина, на большее не рассчитывайте, мистер. То ли дело ребята из городской тюрьмы! Это вам не Дейтон и его детские кулачки. Или Грин с его четырьмя детьми и розовым садом. Нет, те ребята отдаются работе самозабвенно. Ну что, готовы поделиться новыми идеями?

– Только не в наручниках, капитан.

Даже ворочать языком было больно.

Грегориус склонился еще ниже, обдав меня смрадной вонью, выпрямился, обогнул стол, опустил железную задницу в кресло и зачем-то провел пальцем по краю линейки, словно проверяя ее остроту. Затем посмотрел на Грина:

– Чего вы ждете, сержант?

– Приказов, – выплюнул Грин, словно ему был неприятен звук собственного голоса.

– Каких еще приказов? Вам опыта не занимать, так сказано в вашем личном деле. Мне нужно подробное описание того, чем занимался этот умник последние двадцать четыре часа, может, и больше, но пока обойдемся сутками. Что он делал в каждую минуту из этих двадцати четырех часов. Показания должны быть подписаны, заверены и зарегистрированы. Я жду вас с ними через два часа, а также с подозреваемым: чистеньким, умытым и чтобы ни следа побоев. Да, и еще кое-что, сержант... – Грегориус одарил Грина взглядом, от которого покрылась бы инеем свежезапеченная картофелина. – В следующий раз, когда я буду задавать вопросы задержанному, нечего стоять столбом с таким видом, будто я ему уши обрываю.

– Слушаюсь, сэр.

Грин повернулся ко мне.

– Пошли, – буркнул он.

Грегориус оскалил давно не чищенные зубы:

– Ничего не желаете сказать напоследок?

– Как же, сэр, желаю. – Я был сама вежливость. – Сами того не зная, вы оказали мне большую услугу. Вы и детектив Дейтон. Решили мою проблему за меня. Никому не по нраву предавать друзей, но вам я не сдал бы и лютого врага. Вы с вашим подчиненным не просто тупоголовые громилы. Беда в том, что вы чудовищно некомпетентны. Вы понятия не имеете о том, как вести простейшее расследование. Я колебался, и будь вы умнее – давно бы заполучили мои показания. Однако вы предпочли оскорблять меня, обливать кофе и распускать кулаки. И теперь вы не дождетесь от меня ответа, который час на тех часах, что висят на стене вашего кабинета.

Как ни странно, но Грегориус молча выслушал мою тираду.

– А ты, я гляжу, старый ненавистник копов. Я тебя раскусил, не любишь ты нашего брата, – ухмыльнулся он.

– Почему же, я знаю места, где полицейских уважают. Только копом вам там не быть.

Грегориус и это проглотил. Думаю, ему случилось слышать оскорбления и похуже.

Раздался телефонный звонок. Грегориус махнул рукой. Дейтон проворно обогнул стол и услужливо снял трубку.

– Кабинет капитана Грегориуса. Говорит детектив Дейтон. – Он выслушал собеседника и слегка нахмурил красивые брови. – Минутку, сэр. – Дейтон протянул трубку Грегориусу. – Начальник полицейского управления Олбрайт, сэр.

Грегориус поморщился:

– Что нужно этому заносчивому олуху?

Капитан взял трубку, перевел дыхание и, нацепив на лицо любезное выражение, поднес ее к уху.

– Грегориус, комиссар.

Он слушал голос в трубке.

– Да, он в моем кабинете. Задал ему парочку вопросов. Нет, сотрудничать не желает. Категорически. С какой стати? – Лицо капитана исказила злобная гримаса. Лысина покраснела, но голос не изменился ни на йоту. – Приказывать мне может только мой непосредственный начальник... Хорошо, шеф, как скажете, шеф. Уверен, я... черт, нет! Да его никто и пальцем не тронул. Есть, сэр. Как скажете, сэр.

Грегориус швырнул трубку на рычаг. Рука немного дрожала. Он посмотрел на меня, затем – на Грина.

– Сними наручники, – буркнул он с кислым видом.

Грин освободил мои запястья. Я потер ладони, восстанавливая кровоток.

– Доставь его в окружную тюрьму, – нехотя продолжил Грегориус. – По подозрению в убийстве. Прокуратура выхватила это дельце прямо у нас из-под носа. Ну и система!

Никто не двинулся с места. Грин стоял рядом со мной, тяжело дыша. Грегориус перевел взгляд на Дейтона:

– А ты чего ждешь, сосунок? Пломбира на палочке?

Дейтон чуть не подавился:

– Жду указаний, шеф.

– Обращайся ко мне «сэр», черт тебя подери! Возомнил себя сержантом или еще кем повыше? Для тебя я «сэр», чертов молокосос! Вон отсюда.

– Есть, сэр! – Дейтон со всех ног бросился к двери.

Грегориус грузно поднялся с кресла и встал, отвернувшись к окну.

– Пора сматываться, – шепнул мне на ухо Грин.

– Забирай его отсюда, иначе я ему рожу расквашу! – пригрозил Грегориус оконной раме.

Грин подошел к двери и открыл ее. Я уже выходил, когда прозвучал грозный окрик капитана:

– Стоять! И дверь закрыть!

Грин исполнил приказание и подпер дверь спиной.

– А ну марш сюда! – рявкнул Грегориус, обращаясь ко мне.

Я не двинулся с места, просто стоял и смотрел на него. Не двигался с места и Грин. Повисла зловещая пауза.

Грегориус медленно пересек кабинет, подошел ко мне вплотную и застыл, сунув руки в карманы и раскачиваясь на каблуках.

– Пальцем, говорите, нельзя, – пробормотал он, словно разговаривая сам с собой. Глаза у него были пустые, а губы подрагивали. Затем Грегориус смачно плюнул мне в лицо. – Теперь все, спасибо.

Он отвернулся и шагнул обратно к окну. Грин снова открыл дверь.

Я вышел, нащупывая в кармане носовой платок.

8

Койки в камере номер пять блока для уголовников располагались одна над другой, как в пульмановском вагоне. Мне повезло – верхняя так и оставалась свободна, никого не подселяли. В предвариловке условия шадящие: выдают два одеяла – не слишком чистых, но и не особенно грязных – и комковатый матрац в два дюйма толщиной, который кладется на металлическую решетку. Есть унитаз, умывальник, бумажные полотенца и раскисший кусок серого мыла. В камере чисто и не пахнет дезинфицирующими средствами. За порядком следят осужденные, пользующиеся доверием тюремного начальства, а недостатка в таких не бывает.

Сначала тебя с пристрастием досматривают. Если ты не пьяница и не псих, сигареты и спички могут оставить. До предварительных слушаний ты можешь сидеть в своей одежде, после – в тюремной, никаких галстуков, поясов или шнурков. Ты просто сидишь на койке и ждешь. Заняться тут больше нечем.

В вытрезвителе похуже. Ни коек, ни стульев, ни одеял – вообще ничего. Голый бетонный пол – валяйся, сколько душе угодно. Или сиди на унитазе и блюй себе на колени. Хуже этого нет ничего, уж мне-то поверьте.

Здесь свет на потолке горит даже днем, а в железной двери прорезан глазок, закрытый решеткой. Свет выключают строго в девять вечера. Никто не зайдет в камеру, чтобы предупредить тебя. Ты можешь читать газету или журнал, и не важно, что тебя прервут на полуслове. До рассвета остается только спать – если спится, курить – если есть что, думать – если есть о чем – или не думать – если от дум хочется лезть на стену.

Человек в тюрьме теряет индивидуальность, становясь парой строк в регистрационной книге и предметом не слишком ревностных забот тюремного начальства. Никого здесь не волнует, любят человека или ненавидят, как он выглядит и что намерен делать с собственной жизнью. Если ты не причиняешь беспокойства, тебя не трогают. Ты никому не нужен, пока тихо как мышь сидишь в своей камере. Здесь не за что сражаться, нечем возмущаться. Надзиратели – приветливые ребята, совершенно не склонные к садизму. Все, что вы читали о заключенных, которые с воплями бьются о решетку, и о злобных тюремщиках, безжалостно орудующих дубинками, – политика, только и всего. Хорошая тюрьма – одно из тишайших мест на свете. Если ночью заглянуть сквозь решетку в соседнюю камеру, ты увидишь одеяло на койке, или голову лежащего человека, торчащую из-под одеяла, или его глаза, смотрящие в пустоту. Услышишь сопение. Иногда, когда приснится кошмар, заключенный вскрикивает во сне. Жизнь в тюрьме останавливается, теряет смысл и цель. В другой камере кто-то не может уснуть или даже не пытается, просто сидит, уставившись в одну точку. Ты смотришь на него – он смотрит на тебя. Вы молчите. Вам нечего сказать друг другу. В тюрьме не о чем говорить.

В углу коридора есть еще одна железная дверь, которая ведет в блок досмотра. Внутри вместо одной из стен – черная проволочная сетка, на противоположной стене нарисованы деления, измеряющие рост, сверху – прожектора. Как правило, запускают сюда утром, перед тем как ночная смена сдает дежурство. Стоишь напротив стены с разметкой, освещенный прожектором, а за черной проволокой – полная темнота. На самом деле за ней кого только нет: копы, детективы, добропорядочные граждане, ставшие жертвами грабителей или мошенников, – избитые, выброшенные под дулом пистолета из автомобилей, лишившиеся сбережений. Ты не слышишь их голосов, не видишь лиц. В ушах громкий и отчетливый голос старшего ночной смены. Для него ты – дрессированная собачка. Капитан устал, недоверчив и знает свое дело. Он режиссер самой старой пьесы в истории – пьесы, засевшей у него в печенках.

– Эй, ты, стоять прямо, живот втянуть, подбородок выше. Плечи назад, смотреть перед собой. Теперь налево, направо, снова перед собой. Вытянуть руки, ладонями вверх, ладонями вниз. Закатать рукава. Видимых шрамов нет. Темно-каштановые волосы с проседью. Глаза

карие. Рост шесть футов полтора дюйма. Вес примерно сто девяносто фунтов. Имя Филип Марлоу. Профессия – частный детектив. Что ж, Марлоу, приятно познакомиться. С этим все. Следующий.

Взаимно, капитан. Простите, что отнял время. Забыли приказать мне открыть рот. У меня там пара превосходных пломб и одна дорогушая фарфоровая коронка. Обошлась мне в восемьдесят семь долларов. А еще вы забыли заглянуть мне в нос, капитан. Там внутри – шрам на шраме. Операция на носовой перегородке. Хирург, настоящий мясник, мучил меня битых два часа, а сейчас такие операции делают за двадцать минут. Футбольная травма. Хотел заблокировать мяч, а попал сопернику под ногу уже после того, как он ударил по мячу. Пятнадцатиметровый. Столько же ярдов кровавого бинта вытянули у меня из носа на следующий день дюйм за дюймом. Я не хвастаюсь, капитан. Просто для протокола. Весь смак – в деталях.

На третий день ближе к полудню дверь отворилась.

– Адвокат пришел. Бросай окуроч. Да не на пол!

Я швырнул окуроч в унитаз. Охранник привел меня в комнату для свиданий. У окна стоял высокий бледный брюнет, на столе лежал пухлый коричневый портфель. Брюнет обернулся, подождал, пока дверь закроется, и сел за исцарапанный дубовый стол времен Ковчега. Небось достался подержанным уже Ною. Затем открыл чеканный серебряный портсигар, положил его на стол перед собой и поднял глаза:

– Садитесь, Марлоу. Сигарету хотите? Меня зовут Эндикотт, Сьюэлл Эндикотт. Я буду представлять ваши интересы. Бесплатно. Надеюсь, вы не прочь отсюда выбраться?

Я сел и вытащил сигарету из портсигара. Адвокат протянул мне зажигалку.

– Рад видеть вас, мистер Эндикотт. Мы знакомы, только в тот раз вы были окружным прокурором.

– Не помню, хотя возможно, – кивнул Эндикотт. – Эта работа не по мне, прокурор должен быть жестким.

– Кто вас прислал?

– Я не уполномочен разглашать эту информацию. Мои услуги не будут стоить вам ни цента.

– Значит, его взяли.

Адвокат молча смотрел на меня. Я закурил. У этих новомодных сигарет с фильтром вкус как у тумана, который процедили через вату.

– Если вы о Ленноксе, – сказал он, – а это очевидно, то нет, его не взяли.

– К чему эта таинственность, мистер Эндикотт? Кто вас прислал?

– Мой наниматель пожелал остаться неназванным. Его право. Вы согласны, чтобы я вас защищал?

– Не знаю. Если они не взяли Терри, зачем им я? Никто меня ни о чем не спрашивает, никому нет до меня дела.

Эндикотт нахмурился, рассматривая свои длинные холеные пальцы.

– Вашим делом занимается окружной прокурор Спрингер. Возможно, он просто не нашел времени для допроса. Тем не менее формальное обвинение предъявлено, и теперь состоится предварительное слушание. Могу устроить, чтобы до суда вас выпустили под залог. Да вы, вероятно, и сами знаете процедуру.

– Меня обвиняют в убийстве.

– Ну, это перебор. – Он раздраженно передернул плечами. – Обвинять они вас могут в чем угодно, но, вероятно, речь идет о косвенном соучастии. Ведь это вы помогли Ленноксу бежать?

Я не ответил, швырнул безвкусную сигарету на пол и затушил подошвой. Эндикотт снова передернул плечами и нахмурился:

– Допустим, просто допустим, что это так. Чтобы доказать соучастие, им нужен умысел. В нашем случае умысел означает, что вы знали о преступлении и что убийца действительно Леннокс. Однако даже тогда вас должны выпустить под залог. На деле вы не соучастник, а свидетель. Держать важного свидетеля за решеткой в нашем штате можно только по распоряжению суда, его статус свидетеля определяется исключительно судьей. Впрочем, вам не хуже моего известно, как легко полиция обходит закон.

– Еще как известно, – согласился я. – Детектив по фамилии Дейтон заехал мне кулаком в челюсть. Начальник отдела по расследованию убийств Грегориус выплеснул кофе в лицо и так врезал по шее, что чуть не перебил артерию, – видите, как распухла? Начальник полицейского управления Олбрайт помешал своим костоломам размазать меня по стенке, поэтому Грегориус на прощание плюнул мне в лицо. Вы совершенно правы, мистер Эндикотт, эти ребята не стесняются.

Адвокат многозначительно посмотрел на часы:

– Вы хотите выйти под залог или нет?

– Спасибо, конечно, но не стоило беспокоиться. Если тебя выпустят под залог, люди решат, что ты виновен. А если ты выйдешь сухим из воды, скажут, что попался толковый адвокат.

– Ну и глупо, – буркнул Эндикотт.

– Пусть так. Был бы я умным, не сидел бы тут. Если у вас есть связь с Ленноксом, передайте, чтобы не беспокоился обо мне. Я здесь не ради него, а ради себя. И я ни на что не жалуюсь. Такова цена. Люди приходят ко мне со своими бедами – маленькими или большими. С бедами, которые не могут доверить копам. Придут ли они ко мне, если любой мордovorот с полицейским жетоном легко уложит меня на лопатки?

– Я вас понимаю, – протянул адвокат, – однако позвольте поправить вас в одном пункте. У меня нет связи с Ленноксом, я едва с ним знаком. Я служу правосудию, как любой юрист, и если бы мне стало известно, где он скрывается, я не утаил бы эту информацию от окружного прокурора. Максимум, на что я могу пойти, – передать его властям в назначенном месте, предварительно выслушав признание.

– Никто, кроме него, не прислал бы вас сюда, чтобы помочь мне.

– По-вашему, я лгу? – Он наклонился над столом и затушил сигарету о край.

– Кажется, вы из Виргинии, мистер Эндикотт? В моих краях у виргинцев всегда была репутация благородных людей. Мы еще помним о южной чести.

Эндикотт улыбнулся:

– Неплохо сказано. Надеюсь, так оно и есть. Однако мы впустую тратим время. Если бы у вас была хоть капля здравого смысла, вы сказали бы полиции, что не видели Леннокса неделю. Возможно, это не совсем правда. Под присягой вы всегда можете рассказать, как было на самом деле. Лгать полиции законом не возбраняется. Они готовы к тому, что вы им солжете. Им гораздо приятнее выслушать ложь, чем ваш отказ давать показания, который они сочтут вызовом. Что вы хотите этим доказать?

Ответить мне было нечего. Эндикотт встал, потянулся за шляпой, со щелчком захлопнул портсигар и сунул его в карман.

– Не пойму я, чего ради вы разыграли этот спектакль, – холодно промолвил он. – Наставляли на своих правах, поминали закон всуе. Удивляюсь вашей наивности, Марлоу. Уж вам-то должно быть известно, что закон не есть правосудие, а лишь весьма несовершенный механизм. Надавите на нужные кнопки, и, если повезет, правосудие восторжествует. Не стоит требовать слишком много от механизма. Что ж, вижу, моя помощь вам не нужна, поэтому удаляюсь. Если передумаете, я в вашем распоряжении.

– А я, пожалуй, потяну денек-другой. Если они схватят Терри, им будет все равно, кто помог ему сбежать. Цирковой балаган, именуемый судом, им важнее. Убийство дочери

Харлана Поттера – газетная сенсация, а любитель ублажить публику вроде Спрингера въедет на этом спектакле прямоком в министерское кресло, а оттуда – в губернаторское или еще выше... – Я неопределенно взмахнул рукой, и конец фразы повис в воздухе.

– Вы слишком поспешно судите о мистере Харлане Поттере, – с сарказмом заметил Эндикотт.

– А если Терри не схватят, никто и не спросит, кто помог ему сбежать, мистер Эндикотт. Власти предпочтут поскорее забыть обо всем.

– Вы, я вижу, все просчитали, Марлоу?

– В тюрьме у меня была масса свободного времени. А о Харлане Поттере мне известно лишь то, что он владеет сотней миллионов баксов и десятком газет. И как там вся эта шумиха?

– Шумиха? – Голос адвоката заledenел.

– Вот именно. Что-то я не вижу вокруг репортеров, а я-то надеялся поправить свой бизнес. Частный сыщик сел в тюрьму, но друга не выдал. Звучит!

Эндикотт подошел к двери:

– Считайте, что ваша наивность меня позабавила, Марлоу. Вы как ребенок. Имея сотню миллионов баксов, можно купить не только внимание прессы, но ее молчание. Это такой же товар.

За адвокатом закрылась дверь, а меня отвели в камеру номер пять блока для уголовников.

– С Эндикоттом вы тут не задержитесь, – запирая меня, дружелюбно заметил надзиратель.

Я спорить не стал.

9

Охранник, заступивший в вечернюю смену, крупный широкоплечий блондин средних лет с дружелюбной улыбкой, давно изжил в себе и гнев, и жалость. Он хотел спокойно отсидеть смену, и его добродушие не знало границ. Охранник отпер дверь моей камеры:

– К вам гость. Из окружной прокуратуры. Не спится?

– Рановато для меня. Который час?

– Десять пятнадцать.

Он с порога осмотрел камеру. Одно из одеял я расстелил на нижней койке, второе подложил под голову. В корзине валялись скомканные бумажные салфетки, на краю раковины стоял рулон туалетной бумаги. Охранник довольно кивнул:

– Личные вещи?

– Только я сам.

Он оставил дверь камеры открытой. Мы прошли по тихому коридору к лифту. У стола дежурного какой-то толстяк в сером костюме смолит трубку из кукурузной кочерыжки. Ногти у него были грязные, а несло от него, как от козла.

– Я – Спрэнклин от окружного прокурора! – гаркнул толстяк. – Мистер Гренц желает тебя видеть. – Он вытащил пару наручников. – Примерь-ка.

Охранник и дежурный радостно скалились.

– В чем дело, Спрэнк? Боишься, что он набросится на тебя в лифте?

– К чему мне лишние проблемы? – огрызнулся Спрэнклин. – Однажды от меня уже хотел удрать такой молодчик. Мне тогда всю плешь проели. Давай двигай.

Дежурный протянул толстяку бланк, и Спрэнклин поставил на бумажке витиеватую подпись.

– У меня все под контролем. В этом городе только и жди подвоха.

Патрульный втащил с улицы пьяного с окровавленным ухом.

– А ты попал, малый, – с довольным видом сообщил мне толстяк уже в лифте. – Вляпался в здоровенную кучу дерьма. В этом городе огребешь и не такое.

Лифтер подмигнул мне, я ухмыльнулся в ответ.

– Не дергайся, – пригрозил мне Спрэнклин. – Я однажды уже подстрелил такого же шустрого. Мне тогда всю плешь проели.

– Проедут и так и эдак.

Спрэнклин задумался.

– Вроде того, – согласился он. – Такой город. Никакого уважения.

Через двойные двери мы вошли в кабинет прокурора. Телефонный коммутатор был выключен, кресла для посетителей пусты. Свет горел только в паре кабинетов. Спрэнклин открыл дверь каморки с маленьким столом и двумя стульями. За столом сидел краснолицый крепыш с квадратным подбородком и глупыми глазами. При нашем появлении он что-то запикивал в ящик стола.

– Стучаться надо! – рявкнул крепыш.

– Простите, мистер Гренц, – промямлил толстяк. – Я глаз не сводил с заключенного.

Он втолкнул меня в кабинет.

– Наручники снять, мистер Гренц?

– А какого дьявола ты их нацепил? – хмуро поинтересовался Гренц, наблюдая, как Спрэнклин возится с замком; у толстяка на поясе болталась связка ключей величиной с грейпфрут, и он не сразу отыскал нужный. – Проваливай, – велел ему Гренц. – Подождешь снаружи.

– Я уже сменился, мистер Гренц, – запротестовал Спрэнклин.

– Когда я тебя отпущу, тогда и сменишься!

Толстяк вспыхнул и протиснул в дверь жирную задницу. Гренц перевел грозный взгляд с незадачливого подчиненного на меня. Я спокойно уселся на стул.

– Я не разрешал вам садиться! – взревел Гренц.

Я вытащил из кармана мятую сигарету и сунул в рот.

– Здесь не курят! – гаркнул он.

– В камере курить не запрещено. Значит, и здесь можно.

– В своем кабинете правила устанавливаю я! – взвизгнул Гренц.

Над столом поплыл сильный запах перегара.

– Еще глоток, начальник, и полегчает. Боюсь, мы помешали вам прикончить бутылку.

Гренц рухнул на стул. Лицо побагровело от злости.

Я чиркнул спичкой.

Опомнившись – спустя минуту, не раньше, – Гренц прошипел:

– Сильно умный, да? Видал я таких. Поначалу все хорохорятся, только выползают из моего кабинета на карачках.

– Зачем вы меня вызвали, мистер Гренц? А что до выпивки, не стесняйтесь. Я и сам не прочь пропустить глоток, особенно когда устал или нервы на взводе.

– Кажется, вас не слишком волнует та куча дерьма, куда вы вляпались.

– Никуда я не вляпался.

– Это мы посмотрим. А пока выслушаем ваши показания. – Гренц ткнул пальцем в магнитофон на подставке у стола. – Сегодня запишем, а завтра распечатаем. Если заместителя прокурора устроит ваша версия, вас выпустят под подписку. Так что валяйте, я слушаю.

Гренц нажал на кнопку. Его холодный голос звенел злобой, рука непроизвольно тянулась к ящику стола, нос был в сизых прожилках, а белки глаз нехорошего цвета.

– Ох, как же мне все надоело, – вздохнул я.

– Что надоело? – рявкнул Гренц.

– Коротышки в крошечных кабинетах, любители изрекать прописные истины, которым грош цена. Я пятьдесят шесть часов проторчал в камере, где никто меня не доставал. Им там это ни к чему. До поры до времени, если что – церемониться не станут. За что я угодил за решетку? Меня подозревают. Что это за судебная система, которая позволяет бросить человека в камеру для уголовников только потому, что копу не удалось получить ответы на свои вопросы? Какие у него улики? Телефонный номер на отрывном календаре? Что он хотел доказать, посадив меня за решетку? Только то, что это было в его власти. И вы туда же – пыжитесь в своем кабинетике размером с ящик для сигар. Прислали ко мне среди ночи этого перепуганного неженку. Думали, пятьдесят шесть часов в камере превратят мои мозги в жидкую овсянку? Ждали, что я буду скулить у вас на коленях, умоляя погладить меня по головке, потому что мне одиноко в большой страшной тюрьме? Бросьте, Гренц. Пропустите глоток, если неймется, и будьте человеком. Делайте свое дело, только засуньте подальше свой кастет. Если вы чего-то стоите, справитесь и без него, если нет, то расколоть меня кастет не поможет.

Гренц выслушал меня и кисло ухмыльнулся:

– Полегчало? А теперь, когда раздали всем на орехи, займемся вашими показаниями. Будем отвечать на вопросы или сами все расскажете?

– А это я не вам говорил. Так, воздух сотрясаю. И не собираюсь я давать никаких показаний. Вы юрист, и вам известно, что я не обязан отвечать на ваши вопросы.

– Не обязаны, – холодно сказал Гренц. – А закон я знаю, знаю и то, как обходится с законом полиция. Я даю вам возможность оправдаться. Не хотите – на здоровье, мне плевать. Завтра в десять утра я предъявлю официальное обвинение, после чего состоится предварительное слушание. Вы можете выйти под залог, хотя я буду против, но если получится, устрою так, что это обойдется вам в кругленькую сумму. Решайте.

Гренц посмотрел на бумагу, лежавшую на столе, прочел ее и перевернул.

– В чем меня обвиняют?

– Тридцать вторая статья. Сообщничество после совершения преступления. Тюрьма строгого режима. До пяти лет в Квентине.

– Сначала Леннокса поймайте, – осторожно заметил я.

Судя по его виду, Гренц явно что-то недоговаривал, но откуда мне было знать, что именно.

Он откинулся на спинку стула и принялся катать ручку между ладонями. Затем улыбнулся. Происходящее его забавляло.

– Поймаем. Такому, как Леннокс, трудно спрятаться, Марлоу. С его-то шрамами в поллица, не говоря о седине. А ведь ему всего тридцать пять. И у нас есть четыре свидетеля.

– Свидетеля чего?

Я почувствовал, как горечь подступила к горлу, совсем как в тот день, когда капитан Грегориус заехал мне в шею, которая, кстати, все еще болела. Я осторожно потер припухлость.

– Не прикидывайтесь, Марлоу. Судья из Сан-Диего вместе с женой провожали сына с невесткой на самолет. Все четверо прекрасно запомнили Леннокса, а жена судьи опознала машину и того, кто в ней сидел. Не передумали?

– Мило. Как вы до них добрались?

– Сообщили по радио и телевизору. Судья сам нам позвонил.

– Звучит впечатляюще, – насмешливо заметил я, – но вы упускаете одну деталь, Гренц. Сначала нужно поймать Леннокса и доказать его причастность. А еще придется доказывать, что я знал об убийстве.

Он швырнул ручку на лежавшую перед ним перевернутую телеграмму.

– Глотну-ка я виски. Доконает меня эта ночная работа.

Гренц открыл ящик стола, извлек бутылку и стопку. Наполнил стопку до самого края и одним глотком осушил ее.

– Уф, – выдохнул он. – Вам не предлагаю, Марлоу. Заключение не положено.

Он закупорил бутылку и отодвинул от себя, однако недалеко, чтобы легче было дотянуться.

– Думаете, нам придется что-то доказывать, Марлоу? А что, если у нас уже есть признание?

Словно ледяные коготки какого-то мерзкого насекомого пробежали по моему позвоночнику.

– Тогда зачем вам мои показания?

– Для порядку, – хмыкнул Гренц. – На суде подробности будут не лишними. И дело даже не в ваших показаниях, Марлоу, а в том, на каких условиях мы согласны отпустить вас. Если, конечно, вы проявите желание сотрудничать.

Я молча смотрел на Гренца. Он шуршал бумагами, беспокойно ерзал на стуле, поглядывая на бутылку, – ему стоило больших усилий ее не цапнуть.

– Возможно, хотите услышать либретто целиком? – Гренц хитро покосился на меня. – Ладно, так и быть, расскажу. А то решите, что мы тут даром время тратим.

Я потянулся к столу, и Гренц, решив, что я покушаюсь на его бесценную бутылку, сунул ее в ящик. Я затушил сигарету о край пепельницы, откинулся на спинку стула и закурил еще одну.

Гренц затараторил:

– Леннокс сошел с самолета в Масатлане – городишке на тридцать пять тысяч жителей – и исчез на пару-тройку часов. Затем высокий смуглый брюнет со шрамами на лице – возможно, следами ножевых ранений – под именем Сильвано Родригеса купил билет до Торреона. Его испанский был весьма неплох, но не для человека с таким именем. К тому же для настолько смуглого мексиканца он был слишком высок. Пилот сообщил в полицию. Мексиканские копы

звезд с неба не хватают – если что и сделают быстро, так это продырявят тебя без суда и следствия. Они явились за ним в аэропорт, но его и след простыл. Он сел на чартерный рейс до Отатоклана – курортного городишки на озере. Пилот чартера когда-то проходил подготовку в Техасе и неплохо говорит по-английски. Всю дорогу Леннокс делал вид, что не понимает его.

– Если это был Леннокс, – вставил я.

– Не спешите, дружище. Это был Леннокс, кто ж еще? В гостинице он зарегистрировался под именем Марио де Серва. У него был пистолет, «маузер» калибра семь шестьдесят пять, впрочем, в Мексике этим никого не удивишь. Пилот чартера заподозрил неладное и шепнул словечко местным копам. Они взяли Леннокса под наблюдение, связались с Мехико, и дело закрутилось.

Чтобы не смотреть мне в глаза, Гренц вертел в руках линейку.

– Резвый малый ваш пилот. И какая забота о пассажирах! Думаете, я поверю в эту чушь? Внезапно Гренц посмотрел прямо на меня.

– Нам нужен быстрый суд и статья за непредумышленное убийство, – сказал он сухо. – Мы не станем копать. Она была из влиятельной семьи.

– Вы о Харлане Поттере?

Гренц коротко кивнул.

– Вот же ерунда, – продолжил он. – Спрингер мог бы выжать из этого дельца все. Секс, скандал, денег куры не клюют, неверная красотка-жена, муж – инвалид войны... Шрамы оттуда... Да газеты бы слюной захлебнулись! А так придется уползти ни с чем. – Гренц пожал плечами. – Хотя шефу виднее. Так как насчет показаний? – Он обернулся к магнитофону, который тихо шуршал лентой.

– Выключите, – сказал я.

Гренц бросил на меня злобный взгляд:

– Понравилось в тюрьме?

– Там не так уж плохо. Не самая рафинированная публика, но кому нужна рафинированная. Сами посудите, Гренц, вы пытаетесь сделать из меня стукача. Называйте меня твердо-лобым и сентиментальным, но я человек практичный. Допустим, вы решите нанять частного сыщика – вижу, вам ненавистна даже мысль об этом, но допустим, другого выхода у вас нет. Вы наймете человека, заложившего друга копам?

Гренц разглядывал меня с ненавистью.

– И еще кое-что. Вам не кажется, что Леннокс слишком уж старается? Если бы хотел, чтобы его поймали, не устраивал бы этот цирк с конями. Не хотел бы – не изображал бы мексиканца в Мексике.

– Что вы хотите сказать? – прорычал Гренц.

– Я хочу сказать, что сыт по горло вашими домыслами. Не было никакого Родригеса с крашеными волосами, никакого Марио де Сервы в Отатоклане. О том, где скрывается Леннокс, вам известно не больше, чем о том, где зарыл сокровища пират Черная Борода.

Гренц вытащил бутылку, наполнил стопку, залпом осушил ее и медленно расслабился. Затем повернулся к магнитофону и нажал на кнопку.

– Эх, засудил бы я тебя, – буркнул он. – Терпеть не могу умников. Но не воображай, что легко отделался, дорогуша. Попадешься в следующий раз – мы не станем церемониться и просто прихлопнем тебя. А сейчас придется наступить себе на горло.

Гренц перевернул бумагу и подписал ее. Всегда заметно, когда человек выводит собственное имя, – жест весьма характерный. Затем встал, обошел стол, носком ботинка распахнул дверь и крикнул Спрэнклина.

Тот вошел, и Гренц вручил ему подписанный документ.

– Это ордер на ваше освобождение. Я человек подневольный, иногда приходится выполнять неприятные обязанности. Хотите знать почему?

Я встал:

– Валяйте.

– Дело Леннокса закрыто, мистер. Нет никакого дела Леннокса. Сегодня днем Леннокс застрелился в гостинице. В предсмертной записке он во всем признался. В Отатоклане, как я и говорил.

Я оцепенел. Гренц осторожно отступил назад, словно опасался, что я на него наброшусь. Должно быть, вид у меня был и впрямь грозный. Наконец он оказался вне досягаемости за своим столом, а Спрэнклин схватил меня за локоть.

– Давайте, не задерживайтесь, – жалобно пробормотал он. – Сколько мне тут торчать?

Мы вышли, и я аккуратно закрыл за собой дверь. Тихо-тихо, словно внутри кто-то умер.

10

Я полистал копию описи моих личных вещей, расписался на оригинале, рассовал пожитки по карманам и направился к выходу. Какой-то высокий, тощий как жердь незнакомец окликнул меня от дальнего края стойки:

– Домой подбросить?

Света было мало, но я разглядел, что незнакомец не молод, но и не стар, на вид потрепанный и бывалый, но на жулика не похож.

– Сколько возьмете?

– Нисколько. Меня зовут Лонни Морган. Я из газеты. Еду домой.

– Ясно, криминальный репортер.

– Только на этой неделе. Обычно я ошиваюсь в здании мэрии.

Мы вышли из здания и отыскиали на стоянке машину Лонни. Я поднял глаза к небу. Сияли звезды, но разглядеть их мешали городские огни. Ночь выдалась ясная и тихая. Я глубоко вдохнул, сел в машину – и поминай как звали.

– Я живу на отшибе, в Лорел-кэньон. Подбросьте меня куда-нибудь поближе к месту.

– Сюда они вас доставили, – заметил Лонни, – а как вы доберетесь обратно, им плевать. Ваше дело меня интересует. Что-то с ним нечисто.

– Кажется, никакого дела больше нет. Говорят, Терри Леннокс сегодня днем застрелился. Так они сказали.

– Весьма кстати. – Лонни говорил, а сам всматривался в ветровое стекло. Машина медленно скользила по тихому пригороду. – Это поможет им построить стену.

– Какую стену?

– Кто-то пытается огородить дело Леннокса настоящей стеной, Марлоу, а все подробности старательно замалчивают. Прокурор сегодня вечером укатил в Вашингтон, якобы на конференцию. Интересно, чего ради он выпустил из рук такой лакомый кусочек, возможность прогнать на всю страну?

– Откуда мне знать? Меня сразу убрали с глаз долой.

– Потому что это кому-то нужно. И дело не в банальной взятке. Кто-то предложил прокурору нечто большее, и есть только один человек, связанный с этим делом, которому под силу такое, – отец убитой.

Я уперся затылком в боковую стенку:

– Вряд ли. А газетчики? Харлан Поттер владеет несколькими газетами, но есть же конкуренция!

Лонни бросил на меня короткий удивленный взгляд и снова уставился на дорогу.

– Не приходилось работать в газете?

– Никогда.

– Газеты принадлежат богачам, а богачи все одним миром мазаны. Конкуренция есть – безжалостная конкуренция за тиражи и сенсации. Но когда речь заходит о престиже, привилегиях и репутации владельцев, о конкуренции забывают. Дело Леннокса замнут, хотя при правильной подаче, друг мой, оно подняло бы тиражи до небес. На процесс слетелись бы охотники за сенсациями со всей страны. Но суда не будет. Леннокс вовремя сошел со сцены. Весьма кстати для семейства Харлана Поттера.

Я выпрямился и бросил на Лонни тяжелый взгляд:

– Хотите сказать, все подстроено?

Он скривился:

– Похоже, Ленноксу помогли отправиться на тот свет. Сопротивление при аресте. У мексиканских копов палец вечно дрожит на курке. Хотите пари? Уверен, никто не удосужился подсчитать количество пулевых отверстий в теле.

– Вы ошибаетесь. Я неплохо знал Терри Леннокса. Он давно махнул рукой на свою жизнь. Если бы его привезли сюда, он сам признался бы в непредумышленном убийстве.

Лонни Морган покачал головой. Я догадывался, что он собирается сказать.

– Это вряд ли. Если бы он застрелил ее или просто размозжил ей череп – тогда да. Но у жертвы вместо лица – кровавые ошметки. Убийство второй степени – лучшее, на что он мог рассчитывать, да и то газеты подняли бы вой.

– Наверное, вы правы.

Он снова взглянул на меня:

– Вы его знали. Верите, что он замешан в убийстве?

– Я устал. Мозги не работают.

После долгой паузы Лонни Морган промолвил:

– Будь я посмекалистее, решил бы, что он тут вовсе непричастен.

– Какая догадливость.

Лонни сунул в рот сигарету и долго курил, сосредоточенно глядя на дорогу. Мы добрались до каньона, и я показал ему, где свернуть с бульвара. Машина вползла на холм и остановилась у подножия лестницы.

Я вышел:

– Спасибо, что подвезли, Морган. Зайдете? Пропустим по глотку.

– В другой раз. Не хочу мешать, вам лучше побыть в одиночестве.

– Для одиночества времени хватит. Впереди у меня чертова уйма времени.

– Вам нужно проститься с другом. Думаю, вы крепко дружили, если ради него сели в тюрьму.

– Кто сказал, что ради него?

– Если я не пишу об этом в газете, это не значит, что я слепой, – усмехнулся репортер. – До встречи, еще увидимся.

Я захлопнул дверцу, а Лонни развернулся и начал спускаться с холма. Наконец задние фары его машины пропали из виду. Я поднялся по ступеням, сгреб газеты у двери и вошел в пустой душный дом. Зажег все лампы, открыл окна.

Сварив и выпив кофе, я выудил из жестянки пять стодолларовых купюр, свернутых плотной трубочкой. Я бездумно шатался по дому с чашкой в руках, то включал, то выключал телевизор, сидел, вскакивал, снова садился. Газеты, что валялись у порога, поначалу трубили про убийство на первых полосах, затем интерес к делу Леннокса утих. Было много снимков Сильвии – и ни одного Терри. В газетах красовалась даже моя фотография, о существовании которой я и не подозревал: «Частный детектив из Лос-Анджелеса задержан для дачи показаний». Были снимки дома в псевдоанглийском стиле с остроконечной крышей и чертовой уймой окон, на одно мытье которых уходило не меньше сотни. Резиденция возвышалась на холме в окружении двух акров хозяйских угодий. Немало для Лос-Анджелеса. Скрытый за деревьями гостевой дом представлял собой уменьшенную копию главного. Фотографии, судя по всему, делались с большого расстояния, а после их увеличили и обрезами. Снимков комнаты, которую журналисты именовали «комнатой смерти», в газетах не было.

Я видел все это в тюрьме, но сейчас у меня словно открылись глаза. Убили богатую и красивую женщину, но прессу и близко не подпустили к месту преступления. Криминальным репортерам оставалось только бессильно скрежетать зубами. Если Терри говорил с тестем по телефону в ночь убийства, очевидно, что Харлан Поттер позаботился об охране еще до прихода полиции.

В голове не укладывалось только одно – жестокость, с которой было совершено убийство. Никто на свете не убедил бы меня, что Терри Леннокс способен на такое.

Я выключил свет и сел перед открытым окном. Пересмешник в кустах, устраиваясь на ночлег, издал несколько трелей.

Кожа на шее зудела. Я побрился, принял душ и завалился спать. Лежа на спине, я вслушивался в ночь, словно ждал, что услышу спокойный и уверенный голос из темноты, который разложит все по полочкам. Но стояла тишина. Никто не собирался мне ничего объяснять. Да и объяснений не требовалось. Прежде чем застрелиться, убийца во всем сознался. Возможно, теперь слушаний и вовсе не будет.

Как заметил газетчик Лонни Морган, самоубийство было им на руку. Если Сильвию убил Терри, то незачем волочь его в суд и вытаскивать на свет неприятные подробности. Если не он ее убил, то смерть подозреваемого тем более кстати. Сделать из мертвого козла отпущения – что может быть проще? Мертвый ничего не скажет в свою защиту.

11

Утром я побрился, оделся и привычной дорогой поехал в центр. Припарковался на привычном месте, и если сторож стоянки понял, что перед ним важная птица, то никак этого не показал. Я поднялся по лестнице, прошел по коридору и вставил ключ в замок. Подпиравший стену смуглый пижонистый тип вкрадчиво поинтересовался:

– Ты – Марлоу?

– Ну я.

– Никуда не уходи, с тобой хотят поговорить.

Он отлепился от стены и ленивой походкой удалился.

Я вошел в кабинет, подобрал с пола конверты. Еще стопка лежала на столе, куда их сгрузила уборщица. Я распахнул окно, вскрыл конверты и выбросил всякую ерунду, другими словами, почти всю кучу. Переключив звонок на входную дверь, раскурил трубку и уселся в ожидании воплей о помощи.

Я почти бесстрастно размышлял о Терри Ленноксе. Его седые волосы, шрамы, неброское обаяние и особая гордость уже стирались из памяти. Я не судил Терри, не стремился понять мотивы его поступков – так же как раньше не пытался выяснить, где он заработал свои шрамы и как его угораздило жениться на Сильвии. Он стал для меня случайным попутчиком, которого за время путешествия ты должен был изучить вдоль и поперек, но на деле ничего о нем не знаешь. На пристани ты сходишь на берег, обещая не пропадать, но вы оба понимаете, что это пустые слова и едва ли вам суждено свидеться вновь. Если же такое случается, то ты встречаешь безликого незнакомца. Как дела, старина? Неплохо, спасибо. Выглядишь бодрячком. Ты тоже. Поправился. Все мы не молодеем. Помнишь, как славно мы путешествовали по Франконии (или где там)? Шикарная была поездка.

Черта с два. Ты помирал со скуки и свел знакомство с соседом потому лишь, что вокруг не нашлось никого поинтереснее. Может быть, наши отношения с Терри были из той же серии? Нет, это точно не мой случай. Я потратил на Терри время и деньги, три дня просидел в тюрьме, не говоря о затрещине и ударе в шею, после которого мне до сих пор было больно глотать. А теперь он умер, и мне никогда не вернуть ему чертовы пятьсот баксов. Это меня злило. Всегда найдется мелочь, которая будет сводить тебя с ума.

Дверной звонок и телефон проснулись одновременно. Зная, что звонок в дверь означает только то, что кто-то вошел в крошечную приемную, я снял трубку.

– Мистер Марлоу? На проводе мистер Эндикотт. Минутку.

– Это Сьюэлл Эндикотт, – повторил знакомый голос. Будто не знает, что секретарша уже отбарабанила его имя.

– Доброе утро, мистер Эндикотт.

– Рад, что вы на свободе. Ваша идея пустить дело на самотек оказалась неплоха.

– Какая, к черту, идея! Скажите лучше, ослиное упрямство.

– Надеюсь, больше вас не тронут. Однако, если потребуется помощь, обращайтесь.

– С чего бы? Терри мертв. Правосудию придется попотеть, доказывая, что мы встречались и я знал о преступлении. Заодно пусть попробуют доказать вину Терри. Как и то, что он сбежал с места преступления.

Адвокат откашлялся.

– Вам, наверное, не сказали, – начал он осторожно, – но он оставил исчерпывающее признание.

– Мне сказали, мистер Эндикотт. Вот вы адвокат, просветите меня: разве признание освобождает полицию от необходимости доказывать как его подлинность, так и достоверность изложенных в нем фактов?

– Боюсь, я не располагаю временем обсуждать с вами юридические тонкости, – бросил Эндикотт. – Я вылетаю в Мексику с весьма печальной миссией. Догадываетесь с какой?

– Зависит от того, кого вы представляете. Вы ведь так и не сказали.

– Разумеется, нет. Всего хорошего, Марлоу. Мое предложение остается в силе. Позвольте совет: не думайте, что вы неуязвимы. Вы занимаетесь опасным бизнесом.

Он отключился. Я аккуратно положил трубку и некоторое время сидел, не снимая руки с рычага. Затем стер с лица гримасу и открыл дверь в приемную.

Незнакомец у окна развалился в кресле и спокойно листал журнал. На нем был серый костюм в еле заметную голубую клетку. На ногах красовались черные мокасины на шнурках, удобные, как тапочки, – такие носков не протрут. Из-под белого платка в нагрудном кармане выглядывали солнечные очки. Мой гость был очень смугл, с жесткой курчавой шевелюрой. Незнакомец бросил на меня цепкий, по-птичьи зоркий взгляд, и его губы под тонкой щеточкой усов тронула усмешка. Красно-коричневый галстук ярким пятном выделялся на белоснежной рубашке.

Он отшвырнул журнал в сторону:

– Нет, ну что за дрянь! Прочел статью о Костелло⁵. Все вокруг решили, что знают все про Костелло! Да они знают о нем не больше, чем я о Елене Прекрасной!

– Чем могу быть полезен?

Незнакомец не сводил с меня цепких глаз.

– Тарзан на большом красном самокате, вот ты кто.

– Что?

– Ты – Тарзан на большом красном самокате, Марлоу. Хорошо тебя потрепали?

– Так, местами. Вам-то что?

– После того, как Олбрайт вставил пистон Грегориусу?

– Не после. До.

– И у тебя хватило нахальства натравить на этого грубияна самого Олбрайта?

– Я спрашиваю, вам-то что? К несчастью, я не знаком с начальником полицейского управления Олбрайтом и просить его ни о чем не мог.

Незнакомец угрюмо посмотрел на меня, медленно встал, грациозный, как кошка, и прошелся по приемной. Стрельнув глазами в мою сторону, заглянул в кабинет. Похоже, он везде чувствовал себя как дома. Я вошел за ним и закрыл за собой дверь. Незнакомец выглядел удивленным.

– Да у тебя тут смотреть не на что.

Я сел за стол и спокойно ждал продолжения.

– Сколько ты зарабатываешь в месяц, Марлоу?

Я молча разжег трубку.

– Не больше семисот пятидесяти? – предположил он.

Я бросил сгоревшую спичку в пепельницу и выпустил облачко дыма.

– Ты мелюзга, Марлоу, ничтожество. Жалкий пройдоха. Тебя и в лупу не разглядеть.

Ему и это сошло с рук.

– Дешевка ты, и за душой у тебя ни цента. Пропустил пару рюмок с приятелем, кинул ему пару монет, когда он был на мели. Начитался в детстве о Фрэнке Мэрривеле⁶. Ни связей, ни мозгов, ни хватки, а все туда же – корчит из себя невесть что. Тарзан на красном самокате. Ломаного гроша ты не стоишь.

⁵ Фрэнк Костелло (1891–1973) – одна из ключевых фигур преступного мира США, мафиози, разбогатевший на игорном бизнесе.

⁶ Фрэнк Мэрривел – герой рассказов для юношества, публиковавшихся в 1896–1930 гг. Гилбертом Паттенем под псевдонимом Берт Стэндиш; всесторонне развитая личность, спортсмен.

С усталой улыбкой он перегнулся через стол и тыльной стороной ладони несильно заехал мне по щеке. Выражение смуглого лица не изменилось. Я не двинулся с места. Он ленивым движением опустился в кресло и, подперев щеку рукой, уставился на меня по-птичьи цепкими глазами.

- Ты хоть понимаешь, с кем связался?
- Тебя зовут Менендес, для своих – Менди. У тебя заведение на Стрипе.
- Да ну! А знаешь, как я стал тем, кем стал?
- Давай угадаю. Начинал сутенером в мексиканском борделе?

Он вытащил из кармана золотой портсигар, поднес к коричневой сигаретке золотую зажигалку, выпустил облако вонючего дыма и кивнул. Затем положил портсигар на стол и принялся поглаживать его подушечками пальцев.

– Я большой человек, Марлоу. Зарабатываю кучу бабок. Бабки нужны, чтобы подмазывать нужных людей, которые позволяют мне эти бабки заработать, и часть заработанного уйдет на то, чтобы их подмазать. У меня поместье в Бель-Эре, которое обошлось мне в девяносто кусков, а еще больше пошло, чтобы довести его до ума. Я женат на красавице-блондинке, дети ходят в частную школу на восточном побережье. У жены бриллиантов тысяч на сто пятьдесят, а шмоток и мехов – на семьдесят пять. Я держу дворецкого, двух горничных, повара, шофера, не говоря о громилах, которые таскаются за мной по пятам. Мне везде рады. Лучшая еда, лучшие напитки, одежда и гостиничные номера. Дом во Флориде и океанская яхта с командой в пять человек. Еще есть «бентли», два «кадиллака», «крайслер» и «эм-джи» для сынишки. Годика через два подарю такой же дочурке. А что есть у тебя?

- Не много. В этом году я сумел снять целый дом.
- Женат?

– Нет, живу один. Тысяча двести на банковском счете и несколько тысяч в ценных бумагах. Я удовлетворил твое любопытство?

- А сколько тебе случалось зарабатывать за раз?
- Восемьсот пятьдесят.
- Господи, как низко ты пал!
- Хватит выделываться. Зачем пришел?

Менди затушил недокуренную сигарету и тут же закурил еще одну. Откинувшись на спинку кресла, он выпустил дым в мою сторону.

– Нас было трое. Холод стоял собачий, окопы занесло снегом. Мы сидели и жевали холодную тушенку прямо из банок. С той стороны постреливали, но в основном из ружей, снаряды рвались редко. Мы чуть не задубели от холода. Мы – это я, Рэнди Старр и Терри Леннокс. И вдруг прямо на нас летит мина, падает, но не разрывается. Фрицы любили проделывать такие штуки. Думаешь, взрыватель не сработал, потом бабах – и поминай как звали. Терри опомнился первым, схватил мину – и ноги в руки. Рванул из окопа, словно хороший нападающий, потом упал, отшвырнул эту штуковину, а она возьми да и взорвись в воздухе. Большинство осколков прошло выше, но часть задела лицо. И тут фрицы пошли в атаку, и нам пришлось драпать.

Менендес замолчал, спокойно рассматривая меня цепкими черными глазами.

- Спасибо, что просветил.

– Все шутишь, Марлоу. Ладно, я не в обиде. Тогда мы с Рэнди решили, что такой взрыв любому снесет башку. Долгое время мы считали, что Терри погиб, но он уцелел. Его подобрали фрицы, обрабатывали полтора года. Терри досталось. Пришлось хорошенько раскошелиться, чтобы его найти. После войны мы изрядно разбогатели на черном рынке и могли себе это позволить. Все, что Терри получил за спасение наших жизней, – новое лицо, седину и нервы ни к черту. На восточном побережье он прирастал к бутылке. Где его только не носило! Мы никогда не знали, что у него на уме. А потом он женился на этой богатой дуре. Высоко

взлетел. Развелся, снова запил, опять женился, и вот она мертва. Он никогда не позволял нам с Рэнди помогать ему. Однажды мы пристроили его на работу в Вегасе, но надолго он там не задержался. А когда угодил в переплет, то пришел не к нам, а к ничтожеству вроде тебя, которым помыкает каждый коп. Теперь он мертв. Ушел не простившись, и мы никогда уже не вернем ему долг. При моих связях в Мексике мне ничего не стоило его спрятать, никто бы не подкопался. Вывез бы его из страны быстрее, чем шулер стасует колоду. Но он пришел к тебе. Знал бы ты, как меня это бесит! К ничтожеству, которым помыкает каждый коп.

– Копы, дай им волю, достанут любого. Что тебе нужно?

– Просто отойди в сторону, – твердо сказал Менди.

– В сторону?

– Не думай, что тебе удастся срубить бабок или дешевой славы на смерти Терри Леннокса. Дело закрыто. Мы не желаем, чтобы его имя трепали после смерти. Он достаточно страдал при жизни.

– Надо же, какие сантименты, – хмыкнул я. – Не смей меня.

– Не распускай язык, ничтожество. С Менди Менендесом не спорят, Менди Менендесу подчиняются. Найди другой способ заработать себе на жизнь. Ты меня понял?

Он поднялся, взял в руки белоснежные кожаные перчатки. По их безупречному виду можно было подумать, что Менди никогда их не надевает. Снаружи мистер Менендес был воплощением элегантности, но внутри тверд как камень.

– Я никогда не пытался заработать на этом деле. Никто не предлагал мне денег. Да и за что?

– Я не дурак, Марлоу. Ты куковал в тюрьме три дня не за красивые глаза. Тебе кое-что отстегнули. Точно не знаю, кто именно, но догадываюсь. И если потребуется, заплатят еще. Дело Леннокса закрыто и останется таковым, даже если... – Менди остановился и хлопнул перчатками по краю стола.

– Даже если Терри ее не убивал, – закончил я за него.

Его изумление было таким же фальшивым, как позолота на дешевом обручальном колечке.

– Не вижу смысла обсуждать это с тобой, ничтожество. Но даже если и так – если Терри так задумал, – пусть все останется как есть.

Я промолчал. Менди ухмыльнулся.

– Тарзан на большом красном самокате, – хмыкнул он. – Упрямый малый. Тряпка. Вкалывает за гроши. Позволяет любому собой помыкать. Ни бабок, ни семьи, ни будущего. Прощай, дешевка, счастливо оставаться.

Я сидел, стиснув зубы и не сводя глаз с золотого портсигара на столе. Я ощущал себя старым усталым ничтожеством. Затем я медленно встал с кресла и протянул руку к портсигару.

– Ты забыл это.

– У меня таких полдюжины, – фыркнул Менди.

Я обошел стол. Менди лениво протянул руку за портсигаром.

– А как насчет полдюжины таких? – И я со всей силы заехал Менди кулаком под дых.

Он согнулся и охнул. Портсигар упал на пол. Менендес привалился к стене, а руки конвульсивно задергались. Он задышался, на лице проступила испарина. Очень медленно Менди выпрямился, и мы снова оказались лицом к лицу. Я потрепал его по подбородку. Он не шелохнулся. Наконец на смуглом лице проступила улыбка.

– Не думал я, что тебя на это хватит, – промолвил Менди.

– В следующий раз возьми с собой пистолет или хорошенько подумай, прежде чем называть меня дешевкой.

– У меня есть кому пистолеты таскать.

– Вот и приводи их, одному тебе не справиться.

– Долго же ты терпел, Марлоу.

Носком ботинка я придвинул к себе портсигар, поднял его и протянул Менендесу. Он сунул портсигар в карман.

– Не пойму я, чего ради ты приперся. Чем решил меня удивить? Все вы, бандиты, одинаковые. Кой смысл с вами связываться – все равно у вас колода из одних тузов. Воображаете себя пупом земли, а на деле все вы – пустое место. Только и можете, что собой любоваться. Теперь я понимаю, почему Терри не захотел у тебя одолжаться. Все равно что брать взаймы у шлюхи.

Менди осторожно надавил на живот двумя пальцами.

– Зря ты это сказал, дешевка. Смотри, дошутишься.

Он открыл дверь в приемную. К стене привалился один из его громил. Менди дернул подбородком. Громила вошел в кабинет и бесстрастно уставился на меня.

– Хорошенько запомни его, Чик, – сказал Менендес. – Может быть, скоро свидитесь.

– Уже запомнил, босс, – процедил хмурый темноволосый малый небрежно, как делают все они. – Не беспокойтесь.

– Не подставляй ему брюхо, – кисло усмехнулся Менендес. – Его правый хук весьма недурен.

– Так близко он не подберется, – фыркнул громила.

– До встречи, дешевка, – бросил Менди и удалился.

– Не прощаюсь, – с достоинством добавил громила. – Я – Чик Агостино. Меня все знают.

– Как рваную газету тебя знают. Гляди в оба, а то еще затопчу ненароком.

На скулах Чика проступили желваки. Он развернулся и вышел вслед за боссом.

Дверь за ними медленно закрылась. Какое-то время я прислушивался, но ничего не услышал. Эти ребята крадутся, как кошки. Я выглянул из кабинета. Никого.

Я вернулся за стол и некоторое время размышлял, что бы это значило. Не последний из местных криминальных воротил нашел время заглянуть в мою контору, желая самолично убедиться, что я буду молчать. Минутой раньше совет помалкивать дал мне Сьюэлл Эндикотт.

Ни до чего не додумавшись, я решил попробовать еще одну возможность. Набрал номер клуба «Террапин» в Лас-Вегасе и попросил к телефону мистера Рэнди Старра. Его не было в городе. Не хочу ли я поговорить с кем-нибудь еще? Нет, благодарю. Не так уж сильно мне хотелось общаться с Рэнди Старром, просто накатило.

Три дня ничего не происходило. Никто не рвался набить мне физиономию, никто не внушал держать язык за зубами. Клиенты не толпились в приемной, умоляя отыскать пропавшую дочь, загулявшую жену, исчезнувшее кольцо или украденное завещание. Я сидел в кабинете и тупо пялился на стены. Шум вокруг дела Леннокса стих так же скоропостижно, как и родился. Состоялось короткое досудебное слушание, на которое меня не пригласили. Время выбрали неудобное, присяжных не было. Коронер вынес вердикт, гласящий, что Сильвия Поттер Уэстерхейм ди Джорджо умерла от руки своего мужа Терренса Уильяма Леннокса, также почившего вне пределов юрисдикции коронера.

Тело Сильвии перевезли из морга куда-то на север, где и похоронили в семейном склепе. Газетчиков на церемонию не позвали. Никто из близких Сильвии не дал прессе интервью, не говоря уже о мистере Харлане Поттере, который никогда не давал интервью и был недоступен, как далай-лама. Те, у кого сотня миллионов за душой, защищены от окружающего мира слугами, телохранителями, секретарями и адвокатами. Весьма вероятно, они едят, спят, стригут волосы и носят одежду. Однако наверняка утверждать нельзя. Все, что вы знаете о них, создано командой высокооплачиваемых профессионалов, которые не покладая рук трудятся над созданием некоего образа – ясного, простого и чистого, как стерильная игла. Образ этот далек от реальности. Он создан, чтобы не противоречить тем скудным крохам информации, которые изредка просачиваются из мира богатых.

На третий день ближе к обеду зазвонил телефон. Собеседник представился Говардом Спенсером, представителем нью-йоркского издательства. Мистер Спенсер прибыл в Лос-Анджелес с кратким деловым визитом и выражал желание встретиться со мной завтра в одиннадцать в отеле «Ритц-Бeverли», чтобы обсудить некую проблему.

Я поинтересовался, что за проблема.

– Довольно деликатная, – замялся он, – но ничего противозаконного. Если вы не согласитесь мне помочь, я оплачу вам потраченное время.

– Спасибо, но это не обязательно, мистер Спенсер. Кто вам меня рекомендовал?

– Человек, наслышанный о ваших недавних недоразумениях с законом, мистер Марлоу. Признаюсь, именно эта история заставила меня обратиться к вам, однако моя проблема не имеет ничего общего с тем трагическим случаем. Впрочем, дела обсудим при встрече.

– Вы уверены, что хотите нанять человека, который недавно вышел из тюрьмы?

Он рассмеялся. И голос, и смех пришлись мне по душе. Он говорил так, как говорили ньюйоркцы до того, как их язык испортили бруклинские иммигранты.

– На самом деле это неплохая рекомендация, мистер Марлоу. Нет, я не о том, что вам пришлось отсидеть, как вы выражаетесь, в тюрьме, а о вашей необыкновенной сдержанности. Даже под давлением вы остались верны себе.

Этот малый даже по телефону умудрялся говорить как по писаному.

– Ладно, мистер Спенсер, уговорили.

Он поблагодарил и повесил трубку. Я принялся гадать, кто подкинул мне работенку. Сьюэлл Эндикотт? Вряд ли, его до сих пор не было в городе. Впрочем, какая разница? Даже в моем бизнесе клиент порой оставался доволен. Мне нужна была работа. Нужны были деньги. Я тешился этой мыслью до вечера, пока не вскрыл конверт с вложенным внутрь портретом Мэдисона.

12

Конверт лежал в красно-белом, похожем на скворечник почтовом ящике у подножия лестницы. Ручка-дятел, при помощи которой ящик открывался, давно торчала вверх, но я до сих пор не полюбопытствовал заглянуть внутрь. Никто и никогда не писал мне на этот адрес. Кончик клюва дятел утратил недавно – на дереве виднелся свежий скол. Наверняка постарался юный шалопай с атомной рогаткой.

На письме со штампом «Correo Aéreo»⁷ теснилась россыпь мексиканских марок и адрес, который я вряд ли прочел бы, если бы в последнее время Мексика не выходила у меня из головы. Штемпеля я тоже не разобрал. Его ставили от руки, и чернила почти выцвели. Я поднялся по лестнице, вошел в дом и уселся в гостиной. Стоял очень тихий вечер. Возможно, письма от мертвых несут в себе собственную тишину.

Даты не было. Не было и приветствия.

Я сижу у окна второго этажа в не слишком чистом гостиничном номере в Отатоклане – городишке у горного озера. Почтовый ящик прямо под окном, и когда коридорный принесет мне кофе, я отдам ему письмо. Прежде чем сунуть конверт в щель, он должен поднять его и показать мне. За это он получит обещанные сто песо – солидные чаевые для здешних мест.

К чему такие сложности? За дверью маячит подозрительный тип в грязной рубашке и остроносых туфлях. Не знаю, чего он ждет, но из номера мне не выйти. Впрочем, после того, как письмо будет отправлено, это станет не важно. Я хочу, чтобы ты взял эти деньги. Мне они ни к чему – их все равно сопрут местные жандармы. Пусть это станет компенсацией за те неприятности, в которые я тебя втравил, или знаком уважения редкому другу. Как обычно, я все сделал неправильно, но у меня остался пистолет. Думаю, ты уже составил собственное мнение об этом деле. Я мог убить ее и, возможно, так и поступил, но в остальном я невиновен. Такое зверство не в моем характере. Сам видишь, дело нечисто. Впрочем, теперь это не имеет значения. Главное – избежать ненужной и бесполезной огласки. Ее отец и сестра всегда желали мне только добра. Им еще жить и жить, а мне жизнь опротивела. Сильвия не виновата, что я стал таким. Я и до нее был не подарок. До сих пор не возьму в толк, почему она за меня вышла. Минутный каприз, полагаю. Что ж, по крайней мере, она умерла молодой и красивой. Говорят, мужчину похоть старит, а женщине сохраняет молодость. Да мало ли что говорят. Например, что богатство защищает от невзгод и в мире богатых царит вечное лето. Я пожил среди богатых. И нигде не встречал людей более разочарованных и одиноких.

Я написал признание. Мне немного досадно и очень страшно. Наверняка тебе приходилось читать об этом в романах. Так вот, книги врут. В жизни, когда не осталось ничего, кроме пистолета в кармане, когда ты заперт в грязной крысиной норе в чужой стране, остается один выход. Поверь, дружище, ничего возвышенного и волнующего в этом нет. Все предельно грубо, мерзко, стыдно и страшно.

Забудь мои слова и меня забудь. Но в следующий раз, как зайдешь к «Виктору», выпей «Гимлет» за меня. А когда сваришь кофе, налей и мне, а еще добавь каплю бурбона и зажги для меня сигарету. А после просто выкинь все это из головы. Был такой Терри Леннокс, был и сплыл. Прощай.

В дверь стучат. Наверное, коридорный принес кофе. Если нет – без стрельбы не обойдется. Я ничего не имею против мексиканцев, но не одобряю мексиканских тюрем. Кажется, теперь все.

Терри.

⁷ Авиапочта (исп.).

Я сложил письмо и засунул в конверт. Стало быть, за дверью стоял коридорный, иначе бы мне никогда не получить этого письма с портретом Мэдисона на купюре в пять тысяч долларов.

Купюра лежала на столе, зеленая и хрустящая. Думаю, даже банковским клеркам редко удается пощупать такую. А вот типы вроде Старра и Менендеса, весьма вероятно, держат такие купюры на карманные расходы. Чтобы получить ее в банке, придется подождать, пока купюру закажут в федеральном резерве, и процедура может занять несколько дней. Должно быть, в обращении таких не больше тысячи. Моя как будто светилась изнутри.

Я долгое время разглядывал ее, а потом засунул в папку для бумаг и отправился на кухню варить кофе. Называйте это дешевой сентиментальностью, но я сделал то, о чем он просил: налил две чашки, в его плеснул немного бурбона и поставил на стол – туда, где Терри сидел в последний раз. Зажег сигарету и положил ее в пепельницу рядом с чашкой, а после стоял и смотрел, как поднимается вверх пар от кофе и сигаретный дым. За окном в кустах птицы гомонили и хлопали крыльями.

Когда кофе остыл, а сигарета догорела, я выбросил окурочек в ведро, вымыл чашку и убрал с глаз долой.

По-моему, пять кусков достались мне задаром.

Немного погодя я отправился в кино на последний сеанс. Не спрашивайте меня, о чем был фильм. Какая-то бессмыслица. Помню только смутный гул и мелькание лиц. Вернувшись, я разыграл довольно вялую испанскую защиту Руя Лопеса. Потом отправился в постель.

Мне не спалось. Часа в три ночи я еще слонялся по дому под звуки тракторного завода, которые Хачатурян какого-то дьявола именует скрипичным концертом. Я бы скорее назвал это хлопаньем ослабевшего ременного привода.

Обычно сплю я без задних ног. Если бы не мистер Говард Спенсер в «Ритц-Бeverли», прикончил бы бутылку и вырубился к чертовой матери. Если встречу очередного вежливого пьянчугу в «роллс-ройсе» модели «серебряный призрак», сбегу от него куда глаза глядят. Самые коварные ловушки мы расставляем себе сами.

13

Ровно в одиннадцать я сидел в третьей кабинке справа от входа в ресторан и, прислонившись спиной к стене, разглядывал посетителей. Утро выдалось ясное и свежее – ни смога, ни дымки, ни ветерка. Солнечные лучи отражались от поверхности бассейна, который протянулся вдоль стеклянной стены бара снаружи. Девушка с точеной фигуркой в обтягивающем купальнике поднималась на вышку. Я плотоядно разглядывал полосу бледной кожи на загорелом бедре. Девушка скрылась из виду за козырьком крыши, но мгновением позже стремительно вошла в воду, сделав в воздухе полтора оборота. От брызг над бассейном повисла радуга – почти такая же волнующая, как и прекрасная пловчиха. Девушка выбралась на бортик, рывком стянула шапочку и тряхнула обесцвеченной гривой. Затем, виляя бедрами, направилась к столику, за которым восседал дюжий красавец в белых шортах, темных очках и загаром профессионального спасателя. Красавец наклонился и похлопал пловчиху по ляжке. Она разинула пасть размером с пожарное ведро и расхохоталась, напрочь убив во мне желание. Смеха я не слышал, но мне вполне хватило пещеры ее рта и частокола зубов.

Бар был почти пуст. В трех кабинках от меня парочка юных деляг, отчаянно жестикулируя, пичкала друг друга сюжетами будущих киношедевров. Каждые две-три минуты кто-то из них хватался за трубку телефона, намереваясь, не сходя с места, осчастливить плодами своих измышлений самого Занука⁸. Они были молоды, черноволосы, а их напора мне хватило бы, чтобы втащить на четвертый этаж подвыпившего толстяка.

Печальный тип у стойки что-то говорил бармену, полировавшему бокал с дежурной улыбкой, которую люди приклеивают на лицо, чтобы не завопить. Клиент был немолод, хорошо одет и в доску пьян. Ему хотелось выговориться, и он не смог бы остановиться, даже если бы ему нечего было сказать. Пьяный был вежлив, дружелюбен, язык заплетался совсем чуть-чуть, но видно было, что он встает и ложится в обнимку с бутылкой и сбавлять оборотов не собирается. Ты никогда не узнаешь, как он дошел до такой жизни, да он и сам не знает. В лучшем случае в его мозгу хранится весьма искаженная версия. Такого персонажа встретишь в любом тихом баре мира.

Я посмотрел на часы – всесильный нью-йоркский издатель опаздывал на двадцать минут. Подожду еще десять, и хватит с него. Нельзя позволять клиентам вытирать о тебя ноги, иначе они решат, что такое в порядке вещей, а кому нужен сыщик, который не умеет за себя постоять? Я не настолько нуждался в деньгах, чтобы какой-то болван с восточного побережья держал меня за прислугу. Знаю я таких боссов, что восседают перед пультом с мигающими кнопками в обшитых дубом кабинетах на восемьдесят пятом этаже. А секретарша в деловом костюме от Хэтти Карнеги⁹ призывно улыбается тебе большими прекрасными глазами. Такой назначит встречу строго на девять утра, а сам явится спустя пару часов, подкрепившись двойным «Гибсоном», а ты должен изображать смирение. Иначе босс впадет в такой начальственный гнев, что успокоить его расшатанные нервы сможет только пятидневный тур в Акапулько.

Пожилой официант продефилировал мимо, скосив глаза на мой жалкий разбавленный скотч. Я покачал головой, и он едва заметно кивнул. И тут в бар всплыла она. Внезапно мне показалось, что все звуки стихли: дельцы перестали трепаться, пьяница у стойки наконец-то закрыл рот, режиссер постучал палочкой по пюпитру, поднял руки и замер.

Она была стройная и довольно высокая, белый полотняный костюм идеально облегал фигуру, вокруг шеи был повязан шарф в черный горошек. Волосы золотистые, как у сказоч-

⁸ Дэррил Фрэнсис Занук (1902–1979) – один из основателей киностудии «XX век Фокс».

⁹ Хэтти Карнеги (1889–1956) – нью-йоркский дизайнер одежды и драгоценностей, законодательница американской женской моды 1930–1950-х годов.

ной принцессы, а шляпка сидела в волосах, словно птичка в золотистом гнездышке. Еще у нее были глаза редчайшего василькового оттенка и длинные бледные ресницы. Она подошла к столику напротив, стянула с руки длинную белую перчатку, и официант рванулся к ней так стремительно, как никто из его братии никогда не бросался ко мне. Фея села, перекинула перчатки через ремешок сумочки и одарила официанта такой нежной, такой утонченной улыбкой, что тот почти впал в ступор. Что-то тихо сказала, и официант сломя голову кинулся выполнять заказ. В его жизни появилась цель.

Я не сводил с нее глаз. Она, заметив мой взгляд, слегка вскинула ресницы, на полдюйма, не выше, но этого хватило – я чуть не свалился со стула.

Сегодня принято шутить над блондинками. Стоит ли говорить, что блондинки бывают разные. У каждого типа своя изюминка, за исключением тех платиновых красоток, которые по природе не блондинистей зулуса, а характер имеют жесткий, как подошва. Среди блондинок встречаются маленькие недалекие хохотушки и крупные осанистые особи с пронзительным взглядом ледяных синих глаз. Бывают блондинки, которые исподтишка поглядывают на тебя, чудесно пахнут и виснут у тебя на шее, но стоит привести такую домой, как на нее нападает приступ необъяснимой усталости. Она заламывает руки и клянет головную боль, приключившуюся так некстати, и поначалу хочется ее пристукнуть, однако, поразмыслив, тихо радуешься, что раскусил эту штучку, прежде чем убить на нее чертову уйму времени и денег. Бежать – единственное спасение, ибо головная боль со временем никуда не денется, а станет оружием столь же грозным, как мастерский удар клинком или кубок с ядом в руке Лукреции Борджа.

Бывают блондинки тихие и послушные, любительницы выпить, которым все равно, что надеть, если на плечах у них норка, и безразлично, куда пойти, если местечко достаточно шикарное и там наливают дорогое шампанское. Встречаются маленькие самоуверенные особи мальчишеского типа, которые всегда сами платят по счету. Они рассудительны, лучатся энергией, мастерски владеют приемами дзюдо и способны одним махом уложить на лопатки дюжего водителя грузовика, почти безошибочно цитируя при этом передовицу «Сэтэрдей ревью». Попадаются и бледные малокровные создания, чья вялость не опасна для жизни, но трагически неизлечима. Они апатичны и унылы, толкуют о нездешнем, и ты не посмеешь прикоснуться к такой даже пальцем. Во-первых, тебе не захочется, во-вторых, у нее нет времени на глупости – она погружена в чтение «Бесплодной земли», Данте в оригинале, Кафки с Кьеркегором или в изучение провансальского. Она обожает музыку, и когда Нью-Йоркский филармонический исполняет Хиндемита, шепчет тебе на ушко, что один из шести контрабасов вступил на четверть такта позже. Я слышал, на такое способен лишь Тосканини. Теперь их двое.

Наконец, есть шикарные выставочные экземпляры, благополучно пережившие трех мафиози и парочку миллионеров (не меньше лимона с головы) и доживающие век на бледно-розовой вилле в Кап-д'Антиб – городе, где все ездят на «альфа-ромео» с непременным вторым шофером. Там они тихо старятся, держа конюшню потасканных аристократов и относясь к ним с ласковой рассеянностью, с какой престарелый герцог желает спокойной ночи дворцовому.

Фея не относилась ни к одному из перечисленных типов. Чистая и отстраненная, как горный ручей, неуловимая, как цвет его вод, она будто не принадлежала нашему бренному миру. Я все еще пялился на нее, когда над ухом раздался голос:

– Я непростительно задержался. Прощу меня извинить. А все из-за него! Я – Говард Спенсер. А вы, конечно, Марлоу.

Я поднял глаза. Среднего возраста, полноватый, одетый неряшливо, но чисто выбритый, с аккуратно зачесанными назад волосами, в ярком двубортном жилете – в Калифорнии такой типаж встречается редко, если, конечно, это не турист из Бостона. В руках издатель держал издавший виды портфель, ставший причиной его опоздания.

– Три полновесные рукописи! Все как один романы. Не хотелось бы потерять их прежде, чем авторы получат отказ.

Он подозвал официанта, который только что поставил на стол белокурой феи высокий бокал с чем-то зеленым.

– Я питаю слабость к джину с апельсиновым соком. Несуразное сочетание. Поддержите меня? Вот и славно.

Я кивнул, и официант удалился.

Показав на портфель, я спросил:

– Почему вы так уверены, что откажете им?

– Было бы тут что-нибудь стоящее, авторы не стали бы оставлять рукописи в гостинице, а отправили бы их нью-йоркскому агенту.

– Зачем тогда вы их взяли?

– Отчасти из-за того, что не хочется никого обижать, отчасти из-за мизерного шанса, которым живет любой издатель. Однако чаще все происходит на вечеринках, где тебя знакомят со множеством гостей, среди которых непременно попадаются графоманы, а ты успеваешь так набраться и преисполниться любви к человечеству, что соглашаешься взглянуть на их творения. Едва протрезвеешь, а рукописи уже доставили, и ничего не остается, как символически пролистать их. Впрочем, едва ли вас занимают тяготы издательской жизни.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.